

Договоры судьбы · Книга II

КАРТА СУДЬБЫ

Павел Рейнер

Павел Рейнер

Карта Судьбы

«Автор»
2026

Рейнер П.

Карта Судьбы / П. Рейнер — «Автор», 2026

© Рейнер П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Правило первое. Право входа 6
Правило второе. Общее имущество 15
Правило третье. Соседняя дверь 34
Правило четвертое. Предупреждение 53
П 68
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Павел Рейнер
Карта Судьбы

Книга вторая тетралогии «Договоры судьбы»

Правило первое. Право входа

Дом не становится твоим только потому, что открыл дверь.

Коммунальный счет пришел раньше первого клиента. Он лежал на широком подоконнике у высокого окна, поверх листа с записями Павла и уведомления управляющей компании, и казался самым уверенным из трех бумаг. Записи осторожно обещали, что право восстановлено частично. Уведомление вежливо просило обеспечить доступ. Счет ничего не обещал и ничего не просил.

Павел стоял у окна с бумажным стаканом в руке и смотрел на утренний Московский проспект. Внизу темнел мокрый асфальт, машины выезжали из серого света одна за другой, не оставляя после себя ничего, кроме короткого шума под аркой. Дом напротив уже жил своей нормальной жизнью: кто-то торопился к метро, кто-то нес пакет с хлебом, кто-то курил у подъезда, подняв воротник. А этот дом пока принимал Павла только на бумаге.

Сумма в счете была не катастрофической. В этом и состояло ее особое унижение. Катастрофа хотя бы требует решения. Небольшая, аккуратно рассчитанная задолженность просто напоминала: теперь у тебя есть тепло, трубы, лестница, вывоз мусора и право быть тем, кому все это выставляют.

Накануне Павел по памяти свел запись Реестра к четырем строкам:

Право восстановлено частично.

Объект: обособленный блок помещений.

Вход: отдельная парадная.

Правопреемник: Рейнер П. С.

Вторым листом лежало уведомление: осмотр инженерных коммуникаций назначен на завтра, в десять утра. Вежливый оборот о трубах и стояках выглядел почти безобидно, если не знать, что отдельная парадная появилась в официальных бумагах только после того, как дом признал участие Павла. Слова были обычными. Необычным было то, что кто-то сумел подобрать именно их.

Третий — счет. Самый убедительный из всех. Павел взял счет двумя пальцами, словно бумага могла испачкать обязанностью.

— Прекрасно, — сказал Павел.

Из соседней комнаты вышел кот. Он остановился на пороге, посмотрел на счет, потом на Павла и лег, поджав белые лапы под грудь.

— Не начинай. У тебя нет права голоса по коммунальным платежам.

Кот моргнул. В отличие от Канцелярии, он хотя бы не оформлял претензии письменно.

Комната была большой, непривычно высокой, с широкими стенами и следами прежней жизни. На стенах оставались прямоугольники от снятых шкафов, у плинтуса тянулась темная полоса, старая розетка треснула так давно, что трещина стала частью ее рисунка. Здесь жил кто-то, кто умел закреплять вещи намертво и не собирался возвращаться за ними. Павел чувствовал это не как историю, а как отсутствие чужого решения, которое теперь приходилось занимать своим.

Он еще не научился проходить через эти комнаты без внутреннего счета. Вот здесь будет приемная, если появятся клиенты. Здесь, возможно, можно поставить книжный шкаф, хотя книги в таком доме наверняка начинают требовать отдельного реестра. В правой комнате свет мягче, и Анастасия однажды сказала, что там можно работать, не чувствуя себя обвиняемой мебелью. Павел тогда не ответил. Сейчас он поймал себя на том, что все еще оставляет эту комнату свободной, будто решение уже принято кем-то другим.

Комната с картой была дальше по коридору. Дверь в нее с утра не открылась. Павел попробовал дважды, потом перестал. В споре с обычной дверью третья попытка выглядит упрямством. В споре с этой — просьбой, которую лучше не формулировать.

Телефон завибрировал. На экране высветилось: ***Суханов Борис Андреевич***.

— Если вы звоните по поводу счета, я уже знаю.

— Доброе утро, Павел. Управляющая компания направила вам уведомление?

— Да. Оно лежит передо мной и делает вид, что пришло по поводу труб.

— Не пускайте их.

Павел посмотрел на лист. Кофе успел остыть, но он все равно сделал глоток: холодный вкус помогал не отвечать сразу.

— Обычно юристы начинают с оснований.

— Я посмотрел основания. Формально они есть.

— Тогда почему вы звоните так, будто у меня на лестнице уже лежит труп?

— Потому что уведомление составлено правильно. Для обычного дома это ничего не значит. Для вашего — значит.

Суханов говорил ровно, но Павел слишком хорошо знал его паузы. Нотариус не любил прятать тревогу за вежливостью. Если она появлялась в его голосе, значит, он уже несколько раз проверил факт и не нашел удобного объяснения.

— Борис Андреевич, если вы начали бояться правильных документов, у нас кризис профессии.

— Я боюсь документов, которые стали правильными слишком быстро. Человека, подписавшего уведомление, назначили вчера. На должность, которой позавчера не было в штатном расписании. И к уведомлению приложен официальный план помещений.

— На нем есть отдельная парадная?

— Есть.

— Вчера ее не было.

— Именно.

Павел положил уведомление рядом со своими записями. За закрытой дверью коридора было тихо. Слишком тихо для старого дома, где всегда что-то оседало, потрескивало или отзывалось на чужие шаги.

— Что еще на плане?

— Комната, которой на обычных планах быть не должно. Она обозначена как помещение общего доступа к инженерным узлам.

— Карта.

— Так вы ее называете?

— Нет. Но вы правильно поняли.

Суханов на секунду замолчал. Он не спросил, что именно понял. За это Павел был ему благодарен.

Павел подумал об отце. Не так, как обычно: не о последнем споре, не о больничных коридорах и не о вопросах, на которые Сергей Рейнер не успел ответить. Он представил человека, который, возможно, тоже однажды увидел на бумаге лишний вход и понял, что бумага знает о доме больше, чем дом о себе. Доказательств у Павла не было. Ему захотелось закрыть план и оставить комнату в конце коридора запертой. Но на завтра был назначен осмотр.

— Документы уже у вас в почте. Анастасии переслать?

— Перешлите.

— Вы уверены?

— Нет. Просто я не хочу потом выяснять, что стало последствием того, что ее не позвали.

Слова прозвучали хуже, чем он ожидал. Слишком прямо. Суханов не стал их комментировать.

— Учту.
— Не надо.
— Уже.

Кот первым ушел в коридор и сел напротив двери комнаты карты. Павел распечатал присланный план и взял его вместе с уведомлением. Замок открылся не сразу: ладонь успела замерзнуть на ручке, прежде чем внутри коротко щелкнуло. Доступ, который перестал быть бесспорным.

В комнате было светло, хотя утро за окном еще не выбралось из сумерек. Высокое окно, стол, зеленая лампа, реестр и серое полотно на стене остались такими же, как накануне. Изменился воздух. Он стал сухим, осторожным, как в архивном помещении, где только что вскрыли папку и еще не решили, можно ли выдать ее на руки.

На краю стола стояла маленькая деревянная коробка. Вчера ее не было. Павел помнил пустое место между зеленой лампой и Реестром. Он задержался у порога, будто коробка могла исчезнуть, если дать ей время. Потом прошел к столу.

Внутри, на серой ткани, лежали старые серебряные часы. Павел узнал их по узкой царапине на ободке. Отец поворачивал корпус в пальцах, когда не хотел сразу отвечать, и царапина всякий раз оказывалась под большим пальцем. Серебро потемнело от времени, рук, воздуха. Павел не видел этих часов с тех пор, как умер Сергей Рейнер.

Он не сразу достал их из коробки. Сначала посмотрел. Потом закрыл крышку. Потом открыл снова, потому что это не было решением, а всего лишь отсрочкой. Спросить у комнаты, кто принес сюда отцовскую вещь, было бы бессмысленно. Павел отложил вопрос; сперва требовалось разобраться с теми, кто собирался прийти завтра.

На внутренней стороне крышки часов оказался знак: тонкий круг и три короткие линии. Тот же знак он видел на Реестре. Как он появился на вещи отца, Павел не знал. Он положил открытые часы обратно на серую ткань. Стрелки стояли. Заводить их он не стал. Он вообще не любил вещи, которые требовали стать символами. Символы быстро начинают требовать от человека правильного поведения, а он и без них слишком часто не знал, что правильно.

Павел положил на стол уведомление. Потом план. Реестр раскрылся сам, когда Павел уже решил, что ничего не произойдет. В открытой коробке тонко звякнули часы. Павел обернулся. Секундная стрелка часов прошла несколько делений и остановилась.

Материал: право входа.
Связанный объект: помещения отдельной парадной.
Статус: право восстановлено частично.
Доступ подтвержден.
Владение: оспаривается.
Граница доступа: не установлена.

Последнюю строку он прочел дважды. Она не обвиняла и не предупреждала. Именно поэтому от нее стало холодно. Реестр не предлагал ему защитить дом, не обещал, что дом принадлежит ему, и не называл происходящее угрозой. Он просто отметил отсутствие границы там, где Павел привык считать ее очевидной.

Серое полотно на стене потемнело. На нем проступил не архитектурный план, а схема связей: отдельная парадная, маленький круг комнаты карты, несколько тонких линий, уходящих к еще не названным точкам. Одна из них лежала почти рядом с домом.

Вмешательство возможно.
Условия закрыты.

— Очень щедро.

Ни карта, ни реестр не ответили. Ниже появилась еще одна запись.

Статус: сторона.

Служебный статус: отсутствует.

Обязанность: оценка последствий при наличии доступа.

Павел провел пальцем по краю страницы, не касаясь текста. Сторона, но не служащий. Человек, которому не дали полномочия, но уже отказали в прежнем праве ничего не замечать. Он вдруг подумал, что именно так, наверное, и начинается ответственность: не когда тебе поручают дело, а когда в нем уже невозможно сделать вид, что тебя нет.

Порядок был почти унизителен своей ясностью. Канцелярия не говорила: защити себя. Не требовала сохранить комнату, дом или память об отце. Она лишь фиксировала, что доступ существует, а значит, любое решение о нем оставит след. Павел привык искать в чужих материалах момент, когда человек перестает быть наблюдателем. Теперь этот момент лежал перед ним собственной строкой, и отвернуться от нее означало выбрать не невиновность, а форму участия.

Телефон снова завибрировал. Анастасия.

— Суханов прислал документы, — сказала она вместо приветствия. — Я вижу комнату.

— Ее назвали инженерным узлом.

— Это плохая маскировка. Она слишком точная. Кто-то знает, куда смотреть.

— Завтра в десять они придут.

— Я выезжаю.

Павел оперся ладонью о стол. Первой мыслью было привычное: не надо, это не твое дело. Вторая оказалась хуже: если она не приедет, ему станет легче. Значит, первая мысль была не заботой.

— Настя, не надо.

— Слишком поздно для этой реплики. Я уже смотрю билеты.

— Бери поезд.

— Почему?

— Он оставляет время.

На другом конце стало тихо. Она поняла, что речь не о расписании.

— Хорошо, — сказала Анастасия. — Это не приглашение?

— Нет.

— Конечно. Это последствие.

Она отключилась первой. На карте, в нижнем углу, проступила тонкая строка. Павел не сразу решился посмотреть.

А. Лебедева.

Присутствие подтверждено.

Доступ ограниченный.

Он закрыл реестр, взял часы с собой и оставил коробку в комнате. Утром предстояло решить, где кончается право управлять домом и начинается право не пускать в него тех, кто пришел не за трубами.

Ирина Вадимовна Короткова пришла на следующий день ровно в десять. За ночь снег с дождем успел пройти дважды, и в парадной пахло сырой шерстью, побелкой и холодным камнем. Павел услышал шаги раньше, чем звонок: трое поднимались размеренно, как люди, которым уже сказали, что здесь можно не спешить.

Он ждал их на площадке четвертого этажа, не в приемной. Так легче было видеть, куда смотрят гости. С лестницы просматривалась дверь в правую комнату, коридор и поворот наверх, но не сама комната карты. Снаружи это выглядело как обычная планировка старой парадной: тесные ступени, облупленная краска, неровная латунная ручка. Павел знал, насколько обманчиво слово «обычная», и все равно надеялся, что его хватит хотя бы на это утро.

Короткова стояла впереди с папкой и планшетом. Короткая стрижка, аккуратно застегнутое пальто; ее взгляд задержался на дверной ручке, затем на Павле. За ней держался мужчина в форме управляющей компании, неловко прижимая к боку рулетку. Третий был в темном пальто, без шарфа и без видимой причины мокнуть в такую погоду.

— Павел Сергеевич, — начала Короткова. — Доброе утро. Управляющая компания «Московский дом». Осмотр инженерных коммуникаций.

— Павел. Без отчества.

— Простите. Мы хотели бы провести осмотр помещений. Нам необходимо сверить фактическую планировку и состояние инженерных коммуникаций.

— У вас есть конкретный перечень помещений и основание доступа к каждому из них?

Она протянула уведомление. Павел прочел его еще раз, медленно, не потому что не понимал текст, а потому что хотел дать ей возможность увидеть: перед ней не человек, которому достаточно показать бланк.

— Общие стояки, подвальные трассы, доступ к техническим узлам, — перечислила Короткова.

Павел молча продолжал изучать документ.

Через минуту Короткова не выдержала:

— Вы препятствуете осмотру?

— Нет. Но у меня есть вопрос к тому, кто просит о доступе.

Она чуть прищурилась.

— Что именно вызывает вопрос?

— Ваше назначение.

Пауза была небольшой. Но была. Мужчина в темном пальто посмотрел на Павла внимательнее. Короткова улыбнулась.

— Это внутренний вопрос управляющей компании.

— Пока вы просите доступ в мои помещения — уже нет.

Мужчина в форме отвел взгляд к стене. Он явно пришел измерять трубы, а не слушать разговор, в котором каждое слово меняло назначение лестницы. Павел отметил это и не стал давить. Короткова, похоже, не ожидала вопроса о должности. О плане с комнатой, которой не должно было существовать, она пока не сказала ни слова.

— Ваши? — впервые заговорил мужчина в пальто.

Павел повернулся к нему.

— А вы?

Человек в темном пальто достал визитку. Бумага была плотной, новая, без лишних реквизитов.

Марк Северцев.

Представитель заинтересованных лиц.

Имущественные споры. Исторические объекты.

— Заинтересованных в чем? — спросил Павел.

— В сохранности дома, — ответил Северцев.

— Редкая категория людей. Обычно интересуются сохранностью того, что можно продать.

— Одно другому не мешает.

— Уже честнее.

Улыбка Северцева была короткой и привычной, как у человека, который много раз входил в чужой конфликт со стороны формально правильной бумаги. Не агрессия. Хуже: уверенность, что ему достаточно назвать процедуру, и остальные сами уступят ей место.

— Восстановленная запись не равна окончательному праву собственности, — сказал он. — Право доступа не означает право исключить осмотр.

— Верно. И доступ к отдельным помещениям не означает доступ ко всему, что находится внутри.

— Я не прошу всего.

— Ну это пока.

Северцев посмотрел поверх плеча Павла в глубь квартиры. Кот бесшумно спустился на ступеньку и сел между ними, маленький и совершенно бесполезный для закона. Павел не улыбнулся. В этой ситуации кот выглядел единственным, кто не пытался выдать интерес за полномочие.

— Осмотр окончен, — сказал Павел.

— Он еще не начинался, — резко ответила Короткова.

— Именно поэтому его можно закончить без акта о поврежденных трубах.

Короткова сжала папку. Она была раздражена, но не испугана. Павел не понял, насколько много ей известно о планах Северцева.

— Вы получили вход, Павел Рейнер, — сказал Северцев тихо. — Но вход еще не право оставаться.

— А вы слишком быстро решили, что вправе проверять, кто здесь остается.

— Ваш отец, кажется, тоже дошел только до входа.

Фраза легла точно. Павел почувствовал, как холод из коридора проходит ниже ребер. За спиной, едва слышно щелкнула дверь комнаты карты. Короткова не повернула головы. Работник в форме тоже. Северцев услышал и посмотрел так, как смотрят не на стену, а на подтверждение старого предположения.

— Вы знали моего отца?

— Нет.

— Тогда осторожнее с тем, что о нем говорите.

— Некоторые ошибки оставляют документы дольше, чем люди.

Павел не ответил. Ответ потребовал бы слишком много: объяснить, почему чужой человек не имеет права произносить это слово, почему оно все равно попало в цель и почему рука на перилах вдруг сжалась так сильно, что побелели пальцы.

Ему вспомнилось не лицо отца, а его рука на столе, когда тот пытался объяснить что-то о старом доме и тут же замолкал, словно сам не верил, что разговор можно довести до конца. Тогда Павел решил, что это очередная взрослая недоговоренность, за которую сын не обязан платить. Теперь оказалось, что старые недоговоренности умеют приходить к двери вместе с представителем управляющей компании.

Северцев положил на ступеньку сложенный лист.

— Марк Андреевич, — тихо сказала Короткова.

— Мы закончили, Ирина Вадимовна.

Он произнес это спокойно, но Павлу показалось, что Короткова лишь теперь поняла: Северцев не сопровождал управляющую компанию. Управляющая компания сопровождала его. Короткова хотела что-то сказать, но он уже повернулся к выходу. Снаружи дверь парадной ударила о доводчик, потом все трое ушли вниз. Павел закрыл за ними замок только тогда, когда шаги растворились под аркой.

Вы получили вход. Это не значит, что вы имеете право оставаться.

Подписи не было. Кот подошел, понюхал бумагу и отступил. Павел взял лист двумя пальцами, словно тот мог оставить след чужой уверенности.

Анастасия приехала вечером с небольшим чемоданом, который сначала стоял в дверях, а потом оказался у стены в прихожей. Павел посмотрел на него дольше, чем требовалось.

За окном уже темнело. В зеркале прихожей отражались лестница, ее мокрые волосы и открытая дверь в комнату, которую он до сих пор не решался назвать своей. Чемодан делал

вечер реальным: не разговором по телефону, не срочным советом юриста, а присутствием человека, которому придется куда-то поставить чашку, зарядить телефон и, возможно, остаться до утра. От этого в доме стало теснее и спокойнее одновременно.

— Ты оптимистична.

— Я юрист. Это несовместимо. Там документы, одежда, зарядка и доказательство того, что я плохо приезжаю на один день.

— Опасная привычка.

— Ты уже говорил.

Она сняла мокрое пальто, оглядела лестницу, стены, высокое окно. Кот вышел из комнаты и потерся боком о ее ботинок. Анастасия наклонилась, не пытаясь его гладить, пока он сам не решил остаться рядом.

— Он меня признал?

— Он признал чемодан. Ему нравятся мягкие вещи и люди, которые забывают закрывать двери.

— Значит, у нас уже есть общая черта.

Павел хотел возразить, но вместо этого взял чемодан. Движение вышло слишком естественным. Анастасия заметила и не спасла его шуткой. Только закрыла дверь в квартиру и прошла в комнату, где уже были разложены бумаги.

За следующие два часа она сделала то, чего Павел от нее ждал и чего боялся: отделила раздражение от фактов. Новая должность Коротковой появилась под конкретное уведомление. Приказ был чистым, но слишком свежим. По рассказу Павла, Анастасия склонялась к тому, что Короткову использовали вслепую: та пришла говорить о коммуникациях, а Северцев сам остановил осмотр. Что знало руководство компании, они пока не выяснили.

— Биография у него тоже чистая, — сказала она, перелистывая распечатки.

— Имущественные споры, исторические объекты, сопровождение конфликтов по старому фонду. Все правильно. Слишком правильно.

— Как будто ее писали для предъявления.

— Именно.

Она подвинула к нему другой лист. В цепочке уступок по сделке дома мелькнула фамилия Глинского. Не сам Аркадий, не прямой договор с ним — старые бумаги, посредничество, переходы между людьми, которые вовремя поняли, что некоторые записи имеют цену и вне закона.

Анастасия не строила из этого готовую версию. Она разложила цепочку на столе и показала, где заканчиваются установленные факты: архивные материалы прошли через несколько уступок, компания Северцева получила доступ к одному из массивов, план отдельной парадной оказался в новом уведомлении. Дальше начиналось предположение. Павел ценил эту границу. В их мире предположения слишком легко становились поводом войти туда, куда тебя не звали.

— Они не пришли за домом, — сказал Павел.

— Нет. Дом для них только место, где можно проверить доступ.

Он посмотрел на часы отца, лежавшие рядом с папками.

— Откуда у тебя часы? — тихо спросила Анастасия.

— Это часы моего отца. Утром нашел в комнате с картой. В коробке на столе. Вчера ее там не было.

— Ты уверен?

— Царапина на ободке. Я помню, как он поворачивал их в пальцах. Отец очень ими дорожил и всегда носил с собой, хотя при мне они ни разу не шли. Зачем носил — не говорил. После его смерти они пропали. До сегодняшнего утра я их не видел.

— Ты думаешь, они связаны с комнатой? — спросила Анастасия.

— Нашлись в комнате с картой. Там же впервые пошли. Мне кажется, связь есть, но какая — я не понимаю.

— А отец мог знать?

— Мог. Только мне ничего не говорил.

Павел посмотрел на открытую коробку.

— Я даже не знаю, откуда они у него.

— Подарок? Покупка?

— Возможно. Я всегда считал их просто его часами.

Анастасия помолчала.

— Если существуют люди, которые ищут доступ в такие места, их могут интересовать и вещи оттуда.

— Думаешь, ими торгуют?

— Допускаю. Хотя мы пока даже не знаем, оттуда ли часы.

— Черный рынок?

— Возможно. Предметы, записи, пропуски. Все, что может дать доступ. Или хотя бы обещает его.

— И покупатель знает, что получает?

— Не обязательно

— А к нему они могли попасть через людей вроде Северцева?

— Возможно.

— После того как ты вернулся в три года?

— Не знаю. Я помню их уже много позже. Когда открылся Реестр, часы звякнули, и стрелка сдвинулась.

Она села напротив не сразу. Между ними остались часы, папки и лист Северцева, но Павел видел, что она не прячется за ними. Он не мог дать ей ответа, которого не имел. Впервые этого оказалось недостаточно не только ему.

Кот запрыгнул на стол и лег поверх распечаток. Павел снял его с бумаг. Кот оскорбленно ушел в коридор и остановился у двери комнаты карты. Анастасия проследила за ним взглядом.

— Он часто так делает?

— С тех пор как приехал.

— И что это значит?

— Что коту не нравится закрытая дверь.

— Только коту?

Павел взял часы. Ответить было нечем, кроме движения.

Комната карты открылась после короткой паузы. Анастасия вошла следом и остановилась у стола, не касаясь ни реестра, ни полотна на стене. Она уже знала, что здесь нельзя проверять границы любопытством. Это знание Павел ценил сильнее, чем хотел признавать.

Он положил часы рядом с реестром и открыл крышку. Секундная стрелка сдвинулась еще на долю деления. Анастасия заметила это первой.

— Смотри, стрелка снова сдвинулась.

— Вижу. И пока не понимаю, почему.

Реестр раскрылся. На странице появились три строки, разделенные широкими промежутками, как варианты решения, которые не хотят стоять рядом.

Возможные действия:

Допустить осмотр.

Отказать без оформления границы.

Оформить границу доступа.

Анастасия долго смотрела на раскрытый Реестр. Павел ждал ее привычного вопроса, но она сначала вынула из папки план, положила рядом с реестром и только потом заговорила.

— Первый вариант дает им войти туда, куда они не должны войти. Второй даст им акт о недопуске и оставит нас без ясной позиции. Третий сложнее: нужно назвать, что действительно относится к общему имуществу, что охватывает восстановленная запись, а что вообще не подлежит осмотру.

— Юридически?

— И юридически. Но не только. Если мы сами не проведем границу, ее проведет Северцев. Он уже начал.

На полотне проявился план отдельной парадной. Светлые линии обозначали обычные пути: лестницу, приемную, кладовую, комнату Анастасии. Серый круг комнаты карты оставался неподвижным. Рядом с ним появилась строка, которую видел только Павел.

Доступ не подлежит передаче.

— Что там?

— Комнату нельзя отдать для осмотра.

— А все остальное?

— Нужно определить.

— Тогда мы определим. Не для того, чтобы спрятать дом. Чтобы не позволить им назвать захват проверкой.

Она сказала это спокойно. В ее голосе не было обещания помочь ему или веры в его особое право. Было другое: готовность взять на себя ту часть работы, которую он не мог сделать один, не превращая его страх в закон. Павел почувствовал, как внутри отступает привычное желание закрыть папку, комнату, разговор и всю ситуацию вместе с ними.

Он вдруг ясно увидел разницу между тем, что хотел сделать утром, и тем, что предлагала она. Утром ему хотелось удержать дом, потому что дом был связан с отцом, часами и его собственной ошибкой, которую он все еще не умел назвать. Анастасия говорила о границе так, будто это обязанность перед всеми, кто остается по эту сторону двери: перед жильцами, перед Коротковой, перед самим Северцевым, если тот однажды решит выдать свой интерес за право. Это было труднее, чем просто не пустить.

Реестр перевернул страницу.

Право доступа подтверждено.

Граница доступа подлежит установлению стороной.

Внешний спор: зарегистрирован.

Анастасия посмотрела на Реестр, на часы, на дверь, на план с отмеченной комнатой и сказала:

— Значит, завтра начинаем не спор. Начинаем фиксацию.

Павел закрыл крышку часов. Секундная стрелка сделала полный круг впервые с тех пор, как он их нашел, и остановилась на двенадцати. В тишине комнаты это прозвучало почти как чужая подпись.

— Дом не подарок, — сказал он.

— Нет, — ответила Анастасия. — Но теперь это хотя бы не твоя проблема в одиночку.

Он хотел возразить, что речь не о нем, не о них и точно не о приглашении остаться. Но карта уже показывала тонкую линию от отдельной парадной к городу, туда, где кто-то успел увидеть движение раньше, чем Павел понял его цену.

— Кто-то пришел не за помещением, — сказал он. — А за входом.

Правило второе. Общее имущество

Общее — удобное слово. В нем легко потерять человека.

Утро началось с документа. Это уже становилось плохой привычкой. На кухонном столе лежал проект ответа управляющей компании: Анастасия составила его ночью, Павел исправил утром. Она добавляла аргументы, он вычеркивал половину, потом она возвращала часть обратно. Так выглядел компромисс двух юристов. Кот лежал поверх последней страницы и своим телом поддерживал позицию, что никакой ответ никому направлять не нужно.

— Он на моей стороне, — сказал Павел.

— Нет, — ответила Анастасия. — Он на стороне безответственности.

— Значит, на моей.

— Именно поэтому я уточнила.

Кот приоткрыл глаз, снова зажмурился и продолжил исполнять обязанности пресс-папье. За окном моросил петербургский дождь — тот, что почти не замечаешь, пока воротник не промокнет насквозь. Павел взял кружку с кофе.

— Во сколько собрание?

— Через час.

— Уже жалею.

— Это хорошо.

— Почему?

— Человек, который идет на собрание собственников с энтузиазмом, опасен для общества.

Павел кивнул. С этим было трудно спорить. На краю стола лежали серебряные часы отца. После вчерашнего движения стрелки снова стояли. Рядом белел план: отдельная парадная, блок помещений, лестница и комната, которую управляющая компания назвала инженерным узлом. Павел до сих пор не мог решить, что раздражает его больше: сама формулировка или то, что кто-то вообще смог ее увидеть. Анастасия взяла ручку. Поставила еще одну пометку на полях.

— Мы не отказываем в доступе.

— Мы ограничиваем доступ.

— Мы определяем границу доступа.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Для нормальных людей — да.

— Для суда — нет.

Павел посмотрел на нее поверх кружки.

— Ты сейчас специально разговариваешь как Суханов?

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Тогда я мог бы законно тебя не слушать.

Анастасия усмехнулась. Кот приоткрыл второй глаз и снова уснул.

— Павел, — сказала Анастасия, — если ты просто не пустишь их, у них будет акт недопуска.

— И?

— И они станут выглядеть людьми, которые защищают общедомовое имущество. А ты — человеком, который что-то прячет.

— Я и прячу.

— Знаю. Но не надо помогать им это доказывать.

Он молчал. Анастасия перевернула страницу.

— Мы предлагаем осмотр конкретных зон. Вот здесь, здесь и здесь. При условии предварительного уведомления, в нашем присутствии, с фотофиксацией и с актом, где отдельно указано, что осмотр не распространяется на помещения, не относящиеся к общему имуществу.

— Комнату?

— Не называем.

— Вообще?

— Вообще.

— Удобно.

— Нет. Осторожно.

Павел поставил кружку.

— Ты уверена, что это не выглядит как слабость?

— Нет. Это выглядит как форма.

— Форма слабости.

— Форма права.

Он посмотрел на нее.

— Ты сегодня неприятно убедительна.

— Я вчера ночью спала три часа. У меня нет сил быть приятной.

Кот тихо фыркнул во сне. Павел посмотрел на него.

— Вот у кого правильная позиция.

— У него нет недвижимости, доступа к карте и Марка Северцева на пороге.

— Зато есть чувство меры.

— Он спит на отзыве управляющей компании.

— Именно.

Анастасия аккуратно вытянула лист из-под кота. Кот открыл глаза и посмотрел на нее как на человека, только что нарушившего базовые принципы мироустройства.

— Извини, — сказала она. — У нас собрание.

Кот отвернулся. Павел открыл часы. На внутренней стороне крышки оставался прежний знак — тонкий круг и три короткие линии. Вокруг знака серебро потемнело.

— Они молчат, — сказала Анастасия.

— Это их лучшее качество.

Он закрыл крышку.

— Не начинай.

— Я просто смотрю.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как начать.

Она улыбнулась.

— Тогда пойдем смотреть на людей.

— Есть вещи страшнее карты.

— Да, — сказала она. — Собственники многоквартирного дома.

Собрание собственников проходило в бывшей диспетчерской. Когда-то здесь сидела консьержка, потом помещение пустовало, пока его не занял совет дома. Теперь вдоль стен стояли пластиковые стулья; у складного стола теснились чайник и папки, пережившие не одного председателя. Павел вошел одним из последних, Анастасия — рядом. Разговоры на миг стихли и продолжились тише. За эту паузу Павел успел понять, что их уже обсудили.

Молодая женщина с ребенком, пожилой мужчина в жилете, две пенсионерки и еще несколько жильцов, которых Павел прежде видел мельком. Короткова сидела у двери с папкой на коленях. У дома появлялись лица; пока ни одно из них не казалось Павлу открытым.

— Вот он.

Кто именно это сказал, Павел не понял. Да и не стал выяснять. В центре комнаты стояла невысокая женщина лет шестидесяти пяти. Седые волосы, темно-синяя папка под мышкой и взгляд человека, привыкшего объяснять соседям очевидные вещи.

— Савельева Лидия Аркадьевна, — сказала она. — Совет дома.

Павел кивнул. В кармане Павлова пиджака тонко звякнули часы. Он замер: звук был коротким, будто серебро легко коснулось стекла. Анастасия повернула голову.

— Что?

Павел достал часы. Секундная стрелка стояла на двенадцати, где остановилась вчера вечером.

— Часы, — сказал он.

— Они же не идут.

— Вот именно.

Лидия Аркадьевна уже говорила о повестке, но Павел не сразу различил слова. Накануне часы сдвинулись возле Реестра. Теперь они подали голос посреди собрания, и он не мог связать эти события ничем, кроме собственного присутствия.

— Начнем? — сказала Лидия Аркадьевна.

Комната постепенно затихла. Она открыла папку.

— Первый вопрос. Помещенияотдельной парадной.

Несколько человек сразу посмотрели на Павла. Лидия заметила это и слегка поджала губы.

— Для начала я хочу напомнить, что сорок лет живу в этом доме.

Она сделала паузу, потом продолжила:

— И никогда у него не было отдельной парадной.

— Теперь есть, — сказал Павел.

Несколько человек усмехнулись. Лидия посмотрела на него внимательно. Без раздражения. Скорее оценивая.

— Значит, кто-то хорошо постарался.

— Возможно.

— Или хорошо заплатил.

— Такое тоже случается.

В комнате тихо хмыкнули. Лидия не улыбнулась. Но отметила ответ.

— Нас интересует не только парадная, — продолжила она. — Нас интересуют помещения, доступ к которым сейчас ограничен.

— Законно ограничен, — уточнила Анастасия.

Лидия перевела взгляд на нее.

— Вы?

— Анастасия Лебедева. Юрист.

— Представитель Павла Сергеевича?

— Павла Рейнера, — поправил Павел.

Лидия посмотрела на него.

— Простите. Павла Рейнера.

Анастасия положила папку на стол.

— Я представляю его интересы по вопросу определения границ доступа.

— Мы пока не определяли границы, — сказала Лидия.

— Именно поэтому мы здесь.

В комнате стало тише. Павел посмотрел на лица вокруг стола: люди прикидывали, какой частью дома им придется делиться и кто станет за это отвечать. Именно в этот момент дверь открылась. В помещение вошел Марк Северцев. Темное пальто, тонкая папка, спокойное лицо; Марк остался стоять у стены. Лидия заметно нахмурилась. Павел не знал, чем вызвана ее реакция. Северцев коротко кивнул собравшимся. Потом посмотрел на Павла.

— Добрый день.

— У вас удивительная способность появляться в местах, где вас не ждут.

— Обычно это взаимно.

Павел ничего не ответил. Северцев перевел взгляд на документы. На план. На папку совета дома. И произнес:

— Мы не оспариваем право Павла Рейнера. Мы хотим понять его границу.

Павла задело знакомое слово: накануне Реестр говорил о той же границе. Он поймал себя на желании связать эту реплику со звоном часов и заставил себя слушать дальше. Анастасия открыла свою папку.

— Отлично, — сказала она.

Северцев посмотрел на нее.

— Что именно?

— Что вы не оспариваете право. Это сильно сократит собрание.

— Не думаю.

— Тогда уточним.

Она достала один лист. Положила на стол перед Лидией.

— Вот наша позиция. Павел Рейнер обеспечивает доступ к помещениям, где могут находиться общедомовые инженерные коммуникации, в пределах перечня, указанного в приложении. Осмотр проводится в присутствии собственника или его представителя, с предварительным уведомлением, фотофиксацией и составлением акта.

Лидия взяла лист. Несколько жильцов наклонились ближе. Северцев не двинулся. Но его лицо стало чуть внимательнее.

— То есть вы допускаете осмотр? — спросила Лидия.

— Да, — сказала Анастасия.

По тому, как жильцы подались к столу, Павлу казалось, что они ждали отказа и длинного спора о собственности. Вместо этого Анастасия предложила частичный доступ с условиями. Бумага переходила из рук в руки, и Северцев уже не мог говорить так, будто им просто закрыли дверь.

— Но не ко всем помещениям, — сказал Северцев.

— Конечно, — ответила Анастасия.

— Почему “конечно”?

— Потому что доступ к общедомовому имуществу не равен доступу ко всем помещениям собственника.

— Мы не знаем, какие из них содержат общедомовое имущество.

— Вы приложили план.

— План требует проверки.

— Проверяйте.

Северцев чуть наклонил голову.

— Простите?

— Проверяйте, — повторила Анастасия. — В указанных зонах. Если у вас есть иные документы, подтверждающие прохождение инженерных коммуникаций через другие помещения, предъявите их.

Пауза была короткой. Но уже принадлежала Анастасии.

— Мы хотим осмотреть фактическое состояние, — сказала Короткова.

Она выглядела более осторожной, чем вчера.

— Фактическое состояние чего? — спросила Анастасия.

— Помещений.

— Всех?

— Тех, которые могут относиться к общему имуществу.

— “Могут” — не основание для доступа. Это основание для запроса документов.

Кто-то из жильцов тихо сказал:

— А нам что, нельзя знать, что там?

Анастасия повернулась к говорившему. Мужчина лет сорока пяти, крепкий, с усталым лицом.

— Можно, — сказала она. — В пределах закона. И именно для этого мы предлагаем процедуру. Не закрытие. Не захват. Границу.

— Красиво звучит, — буркнул он.

— Это не красота. Это потом в суде читают.

Павел едва заметно усмехнулся. Северцев заметил.

— То есть вы готовы пустить представителей управляющей компании, но не представителей собственников? — спросил он.

— Нет, — ответила Анастасия. — Представители собственников могут присутствовать при осмотре тех зон, где есть общедомовые коммуникации.

— Кто определит зоны?

— Документы.

— Документы можно составить по-разному.

— Поэтому мы предлагаем подписать протокол границ осмотра.

Анастасия положила второй лист.

— Здесь перечень помещений, доступных для осмотра. Здесь перечень помещений, доступ к которым не предоставляется без отдельного обоснования. Здесь порядок фиксации. Здесь возражения собственника на включение в предмет осмотра помещений, не относящихся к общему имуществу.

Лидия молча читала. Северцев сделал шаг к столу.

— Вы хорошо подготовились.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Я поняла.

— Вы фактически предлагаете жильцам согласиться с тем, что часть дома станет недоступной для проверки.

— Нет, — сказала Анастасия. — Я предлагаю жильцам не подписывать пустой доступ ко всему, что кому-то хочется увидеть.

В комнате стало тихо. Пожилая женщина в первом ряду кивнула. Не Павлу, не Анастасии. Скорее самой себе.

— А если там незаконная перепланировка? — спросил мужчина в жилете.

— Тогда это устанавливается по документам и осмотру тех зон, где есть основания проверки, — ответила Анастасия. — Не по подозрению.

— А если вы что-то прячете?

— Тогда нас поймают на документах.

— А если документы тоже…

— Поддельные? — спокойно уточнила она.

Мужчина смутился.

— Ну.

— Тогда это отдельный вопрос. Но доступ ко всем помещениям без границы не становится законным только потому, что кто-то произнес слово “безопасность”.

Северцев смотрел на нее без улыбки. Павел стоял рядом и впервые за утро позволил себе выдохнуть. Сам он оборонялся бы от людей, пришедших за комнатой. Анастасия переводила их требования в перечень, который можно проверить и оспорить. Лидия положила лист на стол.

— Я правильно понимаю, что доступ к части технических зон вы все-таки предоставляете?

— Да, — сказала Анастасия.

— С актом?

— Да.

— С представителями совета дома?

— Да. В пределах согласованного перечня.

— Комната, обозначенная как инженерный узел, в перечень не входит.

— Не входит.

— Почему?

— Потому что ее назначение в предоставленных нам документах не подтверждено. Обозначение на плане управляющей компании противоречит правоустанавливающим документам Павла Рейнера и восстановленной записи.

Северцев мягко вмешался:

— Восстановленная запись сама по себе спорна.

— Поэтому и не надо расширять спор неограниченным доступом.

— Но вы понимаете, что отказ по этой комнате будет зафиксирован?

— Разумеется.

— И это ухудшит позицию Павла Рейнера.

— Возможно.

— Вы признаете?

— Я признаю, что хороший документ иногда фиксирует неприятные вещи. Но плохой документ потом создает еще более неприятные.

Лидия задержала взгляд на Анастасии. Павел заметил эту паузу, но не понял ее причины.

— Хорошо, — сказала Лидия. — Предлагаю голосовать по предложенному порядку осмотра.

Северцев повернулся к ней.

— Лидия Аркадьевна, я бы не спешил.

— Вы бы — не спешили, — сказала она. — А я сорок лет в этом доме живу. Если есть возможность пустить людей туда, куда можно, и не устраивать драку на пустом месте, я за нее проголосую.

Северцев промолчал. Павел видел: Лидия хотела осмотра, но не собиралась уступать Северцеву право решать за дом. Она отвечала перед соседями за собственное решение. Лидия передала лист по рядам, дала людям дочитать и сверила присутствующих по списку. При голосовании кто-то воздержался, кто-то продолжал ворчать, но предложенный порядок поддержали. В тетради совета дома она записала решение: осмотр в согласованных зонах; спорная комната в предмет первичного осмотра не входит. Павел следил за ее рукой. Получилась граница на бумаге. Теперь надо было добиться, чтобы ее соблюдали. Анастасия аккуратно убрала листы в папку. Павел тихо сказал:

— Ты только что заставила их принять половину нашего отказа как свою разумность.

— Не завидуй.

— Завидую.

— Полезное чувство. Развивает.

Он хотел ответить, но Лидия Аркадьевна уже закрывала папку.

— Второй вопрос, — сказала она. — Старые протоколы по подвальным помещениям.

Северцев чуть повернул голову. Анастасия тоже. Карман пиджака будто потяжелел. Часы не звякнули; внутри коротко щелкнуло, как если бы малая деталь встала на место. Павел достал часы. Секундная стрелка стояла, но минутная ушла вперед на одно деление. Анастасия тоже это увидела.

— Что?

— Стрелка сдвинулась.

— Из-за чего?

Павел посмотрел на Лидию. Она доставала из папки старую копию протокола.

— Не знаю, — сказал Павел.

Павел заметил взгляд Северцева. Тот задержался на часах и отвел глаза, когда Павел поднял голову.

— Интересная вещь, — сказал Северцев.

— Часы, — ответил Павел.

— Да, — сказал Северцев. — Иногда именно так их и описывают.

Анастасия медленно повернула голову к Марку.

— Вы разбираетесь в часах?

— В старых предметах.

— В каких именно старых предметах?

Северцев улыбнулся.

— В тех, которые почему-то переживают владельцев.

Павел тихо закрыл крышку.

— Эти пережили не всех.

Северцев посмотрел на него чуть внимательнее.

— Значит, вам повезло.

— Нет, — сказал Павел. — Мне их оставили.

Пауза. Северцев кивнул.

— Тогда берегите.

— От кого?

— От людей, которые знают, что это не просто часы.

Северцев сказал это почти небрежно. Павел убрал часы в карман.

Собрание закончилось через сорок минут. Люди не разошлись сразу. Собрание распалось на споры у складного стола, жалобы возле чайника и короткие разговоры в коридоре. Павел стоял у окна и смотрел, как Северцев без жестов говорил с Коротковой. Та слушала, опустив глаза на папку. Потом он передал ей документы и ушел. Павел проводил его взглядом.

— Он недоволен, — сказала Анастасия.

— Он не получил комнату.

— Но получил процедуру.

— Поэтому и недоволен.

— Нет. Поэтому опасен. Теперь он знает, что просто давить не получится.

Павел кивнул.

— Ты хорошо вела.

— Знаю.

— Скромность?

— Не сегодня.

Павел улыбнулся. Лидия Аркадьевна задержалась у стола и медленно собирала папки. Анастасия подошла к ней.

— Вы не закончили второй вопрос.

Лидия подняла на нее взгляд.

— Старые протоколы? Они закрыты.

— О подвальных помещениях?

— О старых делах дома. Вас они не касаются.

— Тогда почему вы вынесли их на собрание?

Лидия поджала губы.

— Потому что теперь в доме появились новые люди, которые хотят решать, куда им можно входить.

Павел сказал:

— Я не спрашивал про подвал.

— И не спрашивайте. Дом двадцать лет назад принял решение. Оно не ваше.

Анастасия не отступила.

— Мы не оспариваем его сейчас. Нам нужен сам протокол и приложения к нему.

— Зачем?

— Чтобы понять, что именно было принято.

— В управляющей компании есть вся информация. Вот туда и идите.

Она подняла папки.

— А в мои старые решения не лезьте. Это были наши проблемы. И остались нашими.

Лидия вышла прежде, чем Павел успел ответить.

В тот же вечер Анастасия запросила копии протокола, приложений и документов о передаче подвальных помещений.

Первые сканы пришли на следующее утро. Анастасия разложила распечатки на столе и стала сверять их с перечнем приложений на последней странице протокола. Павел сел рядом. Через несколько минут она вернулась к началу пачки.

— Чего не хватает? — спросил он.

— Третьего приложения. Здесь на него ссылка, а самого листа нет.

Павел придвинул протокол. В приложении должен был быть перечень индивидуальных помещений и согласий жильцов. В присланном комплекте за решением собрания сразу шел акт передачи подвала инвестору.

— Потеряли?

— Сначала найдем. Потом решим, что с ним случилось.

Она снова позвонила в управляющую компанию. Павел слушал, как Анастасия перечисляет страницы и просит проверить не только подшивку протоколов, но и папку с документами о передаче помещений. После звонка она оставила между распечатками чистый лист.

На следующий день прислали сканы второй подшивки. Приложение оказалось там, среди актов передачи. Анастасия распечатала его и убрала чистый лист. Павел заметил, что один из листов согласий выглядит иначе: текст начинался ниже, буквы были крупнее, чем на остальных.

— Этот добавили позже?

— Возможно. Могли перепечатать испорченный лист. Посмотри, чье согласие.

Павел прочел фамилию: Тихонов Николай Романович, квартира восемнадцать. Рядом стояли номер подвального помещения и подпись.

— Кто он?

Анастасия открыла старый список собственников и нашла квартиру.

— Жил здесь. Нужно посмотреть, что еще осталось по этому помещению.

Во второй подшивке нашлись два заявления Тихонова, зарегистрированные уже после реконструкции. Он писал, что согласия на передачу помещения не давал, и требовал выдать

ему копию документа, на основании которого подвал освободили. Павел сверил даты на заявлениях с актом передачи.

— Здесь он будто согласен. А потом требует показать, когда успел согласиться.

— Поэтому я и хочу оригинал.

Анастасия положила рядом заявления и лист из приложения. На обоих заявлениях подписи были похожи, но немного различались наклоном отдельных штрихов и длиной росчерка. На согласии первая буква уходила в другую сторону, а фамилия заканчивалась длинным росчерком. Павел повернул лист, потом снова положил прямо.

— За него подписали?

— По сканам я этого не установлю. Но подпись отличается. И его собственные заявления противоречат тому, что записано в протоколе.

— Кто вел собрание?

Анастасия вернулась к последней странице протокола. Внизу, под строкой о результатах голосования, стояла подпись секретаря: Савельева Л. А.

Павел задержал взгляд на подписи.

— Значит, опять к Лидии.

— Теперь есть о чем спрашивать.

В конце подшивки нашлась короткая служебная записка: после смерти Тихонова в управляющую компанию приходила племянница и просила выдать документы. Ни ее имени, ни адреса в записке не было.

Анастасия собрала отдельно протокол, приложение и два заявления. Остальные бумаги убрала в папку.

Они прошли к комнате карты. Кот сидел у двери, будто дежурил. Павел остановился рядом.

— Ты сегодня особенно полезен.

Кот посмотрел на него с сомнением. Дверь открылась после короткой паузы. В комнате было светло от серого дневного окна. Павел положил часы на стол. Анастасия рядом — копию протокола 2004 года. Реестр открылся. Страница была чистой. Потом появились строки:

Материал: Общее имущество.

Связанный объект: дом на Московском проспекте.

Граница ответственности: не установлена.

Личное участие скрыто общим решением.

Павел прочел появившиеся строки и поднял глаза на Анастасию.

— Теперь официально.

— Мы и так поняли.

— Канцелярия не любит оставлять людям радость самостоятельных выводов.

— Наоборот, — сказала она. — Она дала нам прийти к нему самим. А потом записала.

На полотне проявился старый план дома: подвальные помещения, тонкие линии и комнаты без номеров. На одной из них выступила отметка:

Помещение передано в состав общего решения.

Личное согласие не подтверждено.

Ниже:

Тихонов Н. Р.

Павел произнес имя вслух.

— Он не клиент.

— Нет, — сказала Анастасия.

— И Лидия не клиент.

— Нет.

— Тогда что это?

— Проблема карты.

Павел посмотрел на нее. Она сказала очень спокойно:

— Ты сам это понял еще до собрания. Здесь не новые клиенты. Здесь новые границы.

Павел открыл часы. Знак Канцелярии на внутренней стороне крышки оставался темным. Он помнил, что перед собранием секундная стрелка стояла на двенадцати; теперь она стояла на одно деление дальше.

— Она сдвинулась, — сказал он.

— Когда?

— На собрании часы звякнули. Позже, когда Лидия заговорила о протоколе, минутная стрелка сдвинулась. А сейчас и секундная стоит не там, где была.

— Значит?

— Не знаю.

— Ты ненавидишь это больше всего.

— Что?

— Когда у предмета есть правила, но нет инструкции.

Павел закрыл часы.

— У людей хуже.

— У людей хотя бы можно спросить.

— И получить ложь.

— Тоже форма инструкции.

Он посмотрел на нее.

— Ты сегодня слишком много разговариваешь как человек, который останется.

Анастасия не сразу ответила.

— Я сегодня слишком много разговариваю как человек, который уже приехал.

Анастасия не отвела взгляд, и Павел тоже остался у стола. Он не решился назвать их разговор обещанием. Павел положил часы на стол. Карта на стене потемнела вокруг отметки Тихонова. На мгновение проступила фраза:

Общее решение принято.

Личное согласие не подтверждено.

Потом ниже:

Граница подлежит установлению.

— Граница, — сказал Павел.

— Между чем?

— Между тем, что действительно принадлежит всем, и тем, что просто забрали у одного от имени всех.

Анастасия кивнула.

— Значит, теперь спрашиваем про согласие Тихонова.

— И про то, что знала Лидия.

Павел посмотрел на карту.

— Она сказала «мои старые решения», — добавила Анастасия.

Павел почти улыбнулся.

— Ты опасно слушаешь.

— Это моя работа.

— Нет.

— Уже нет, — сказала она.

Они оба услышали это. Оба сделали вид, что нет.

На следующий день Лидия открыла дверь не сразу. Молча посторонилась, пропуская их, и прошла на кухню. Она села у стола и придвинула к себе темно-синюю папку. Павел с Анастасией устроились напротив.

— Говорите, — сказала она.

Анастасия положила перед ней копию старого протокола и листы сверки, собранные за последние два дня.

— Вы были секретарем собрания в две тысячи четвертом году? — спросила Анастасия.

Лидия взяла лист.

— Я много лет была секретарем.

— Это ваша подпись?

— Моя.

— Тогда, возможно, вы поможете найти оригинал приложения номер три.

Лидия не ответила сразу.

— Какое приложение? — спросила Лидия.

— К решению о передаче подвальных помещений инвестору под реконструкцию.

— Это было двадцать лет назад.

— Девятнадцать.

— Тем более.

— Приложение номер три указано в тексте протокола как перечень индивидуальных помещений и согласий жильцов.

Лидия закрыла папку.

— Не помню.

— У нас есть только копия, — сказала Анастасия. — Хотелось бы понять, где оригинал.

Павел взглянул на Анастасию. Та выдержала паузу, и Лидия вернула ей внимательный взгляд.

— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего. Уточняю.

— Вы же понимаете, что тогда дом был в ужасном состоянии?

— Понимаю.

— Подвал тек. Коммуникации гнили. Крысы бегали по лестнице. Деньги на ремонт никто не давал. Инвестор пришел с нормальным предложением.

— Я не спорю.

— Спорите.

— Нет. Я спрашиваю про приложение.

Лидия посмотрела на Павла.

— Это вы начали?

— Нет, — сказал Павел.

— Конечно.

— Если бы начал я, звучало бы грубее.

Лидия хмыкнула.

— Верю.

Анастасия не дала разговору уйти.

— Лидия Аркадьевна, в этом приложении есть согласие собственника квартиры восемнадцать. Николая Романовича Тихонова.

Лидия медленно положила папку на стол.

— Был такой.

— Вы помните его?

— В нашем доме всех помнили.

— Он подписывал согласие?

— Я не помню.

Павел тихо сказал:

— Помните.

Лидия посмотрела на него.

— Осторожнее, Павел Рейнер.

— Уже пробовал. Плохо получается.

Анастасия повернула к нему голову. Павел замолчал. Она продолжила сама.

— На копии лист с его согласием отличается от остальных: шрифт другой, поля сдвинуты. И подпись не похожа на подписи в его заявлениях. Нужен оригинал, чтобы это проверить.

— Вы экспертизу проводили?

— Пока нет.

— Тогда не надо бросаться словами.

— Я не бросаюсь. Я задаю вопрос.

Лидия молчала, глядя на разложенные перед ней листы.

— Тихонов не хотел отдавать подвал, — сказала Лидия наконец.

Анастасия не перебила.

— У него там был хлам.

Павел перебил:

— Чей?

— Что?

— Хлам чей?

Лидия поджала губы.

— Его. Сына. Не знаю. Ящики, инструменты, письма. Старые фотографии. Какие-то тетради.

— Сын был жив?

— Нет.

— Когда погиб?

— Не помню.

Павел посмотрел на нее.

— Помните.

Лидия резко сказала:

— В Афганистане. Довольны?

На кухне стало тихо. Павел увидел, как Лидия сжала край папки. Анастасия тихо спросила:

— Тихонов отказался подписывать?

Лидия посмотрела на окно.

— Он говорил, что это последнее, что у него осталось.

— Но подпись появилась.

— Да.

— Кто ее поставил?

— Не я.

Ответ был быстрым. Слишком быстрым.

— Но вы знали, что он не подписывал, — сказала Анастасия.

Лидия резко повернулась к ней.

— Дом надо было ремонтировать.

Павел ждал продолжения. Впервые речь шла не о ремонте, а о конкретном человеке.

— Подвал тек, — продолжила Лидия. — Люди жаловались. Дети боялись спускаться вниз. В первом подъезде запах стоял такой, что окна зимой открывали. Вода шла по стене.

Электрик сказал что, если дальше тянуть, будет пожар. Все хотели ремонта. Все. А он один стоял со своими ящиками.

— Значит, его можно было вычеркнуть? — спросил Павел.

— Никто его не вычеркивал.

— Его согласие подделали.

— Я не подделывала.

— Но знали.

Лидия смотрела на него жестко, не отводя глаз.

— Вы не знаете, что такое дом.

Павел тихо усмехнулся.

— Последний месяц пытаюсь понять.

— Нет. Вы получили парадную, квартиру, бумаги и теперь считаете, что дом — это вход. Дом — это люди, которые двадцать лет складываются на трубы, ругаются из-за лифта, носят ключи друг другу, вытаскивают детей из застрявших дверей и подписывают то, что надо подписать, потому что иначе все развалится.

— И один старик с ящиками мешал этому дому?

— Да.

Лидия услышала собственное «да», но не забрала его назад. Анастасия сказала:

— Его вещи исчезли после реконструкции?

— Подрядчики вывезли все.

— Вы знали?

— Там было невозможно хранить.

— Вы знали?

Лидия на миг закрыла глаза и снова посмотрела на них.

— Да.

Павел уловил запах старых папок и остывшего чая. Лидия сидела напротив, упрямо держа ладони на закрытой папке. Здесь, на собственной кухне, она все еще говорила от имени дома.

— Он искал, — сказала Лидия.

Анастасия не сразу поняла.

— Кто?

— Тихонов. После ремонта. Искал.

Лидия отодвинула от себя папку.

— Сначала пришел ко мне. Спросил спокойно. Даже слишком спокойно. Сказал: “Лидия Аркадьевна, там был зеленый ящик. Солдатский. Не могли его выбросить. Там письма”. Я сказала, что подрядчики все вывезли как мусор.

— Это было правдой? — спросила Анастасия.

Лидия посмотрела на свои руки.

— Почти.

Павел не удержался:

— Самое удобное состояние лжи.

Она резко подняла голову, но не ответила.

— Потом он ходил к рабочим, — продолжила она. — Нашел бригадира. Тот сказал, что ничего не помнит. Потом в управляющую компанию. Потом в районную администрацию. Писал заявления. На меня писал. На совет дома. На инвестора. Ему отвечали, что при освобождении подвального помещения личных вещей обнаружено не было.

— А они были, — сказала Анастасия.

Лидия кивнула.

— Были.

— И вы это знали.

— Да.

Это “да” прозвучало тише предыдущего. И тяжелее.

— Он приходил каждую неделю, — сказала Лидия. — Иногда через день. Стоял внизу у доски объявлений. Ждал меня. У него руки тряслись. Не сильно. Так, будто он все время держал что-то невидимое и боялся уронить.

Павел молчал.

— Потом он стал путаться. Говорил, что сын ему писал недавно. Что там были письма, которые он еще не дочитал. Что в ящике была машинка, которую он купил ему в шесть лет. Я думала: старость. Горе. Упрямство.

Она усмехнулась. Без радости.

— Очень удобно думать, что чужая боль — это упрямство.

Анастасия осторожно спросила:

— Вы видели, что с ним происходит?

— Все видели.

— И?

Лидия посмотрела на нее.

— И дом получил ремонт.

Пауза стала почти невыносимой. Павел сказал:

— Вот теперь вы сказали правду.

Лидия сжала папку.

— Не всю.

— Тогда продолжайте.

Она долго молчала. Потом сказала:

— Один ящик не вывезли.

Анастасия подняла глаза.

— Где он?

— У меня.

Павел посмотрел на нее.

— Зачем?

Лидия не сразу ответила.

— В день вывоза я спустилась в подвал. Хотела проверить, чтобы они не разбили трубы. Рабочие таскали мешки, старые доски, какие-то банки. Я увидела ящик. Зеленый, армейский. На крышке мелом было написано “Саша”. Я сказала им оставить. Не знаю зачем.

— Знали, — сказал Павел.

Она кивнула.

— Да. Знала. Сначала думала отдать. Потом было поздно. Потом Тихонов начал писать заявления, и я поняла: если отдам, он спросит, почему я молчала. Потом он умер. А после смерти возвращать стало уже некому.

— Племянница приходила, — напомнила Анастасия.

Лидия посмотрела на нее.

— Вы быстро копаете.

— Работа.

— Да. Приходила. После похорон. Сказала, что Николай Романович перед смертью все про ящик говорил. Про письма. Про сына. Про какую-то машинку. Она хотела хотя бы письма забрать.

— И вы?

— Я сказала, что ничего не сохранилось.

Никто не спросил зачем. Она уже ответила. Лидия убрала ладонь с папки.

— Я спасала дом, — сказала она. — Так я себе говорила. Очень долго.

Павел тихо ответил:

— Нет. Вы сделали так, чтобы один человек перестал мешать большинству.

Лидия посмотрела на него сначала зло, потом отвела взгляд.

— Да, — сказала она. — Наверное, да.

— Завтра приходите, — сказала она. — Я отдам ящик.

На следующий день они снова поднялись к Лидии. Она открыла дверь не сразу.

— Я знала, что вы придете, — сказала она.

— Тогда можно было не заставлять нас ждать, — сказал Павел.

Анастасия бросила на него короткий взгляд. Лидия неожиданно усмехнулась.

— Нет. Он правильно говорит. Я тянула.

Она отступила. Квартира была старой, чистой, с мебелью, которую берегли. В прихожей пахло лекарствами, бумагой и яблочным мылом. На стенах висели фотографии дома разных лет: двор, фасад, субботник, ремонт подъезда, жильцы на скамейке, дети с мячом. Павел задержался перед ними. Он понял, почему Лидия говорила о доме как о собственной жизни; от этого ее решение не становилось легче.

— Сюда, — сказала она.

Кладовка была узкой и чистой. У Лидии вообще не было грязных мест — только те, куда давно не заглядывали. На верхней полке стоял зеленый металлический ящик с ржавчиной по углам. На крышке мелом еще угадывалось имя:

Саша

Лидия не попросила помочь. Сама потянулась к ящику, но руки не выдержали. Павел перехватил ящик. Металл отозвался тяжестью; чтобы снять его, пришлось ухватиться обеими руками.

— Осторожно, — сказала Лидия.

Она осеклась, словно сама услышала, как поздно произнесла это слово. Они поставили ящик на стол. Лидия долго смотрела на ящик, потом достала маленький ключ и открыла замок. Внутри лежали письма, перевязанные выцветшей синей лентой, фотографии, блокнот в клеенчатой обложке, военный билет, жетон, значок с облупившейся эмалью, кусок ткани и складной нож с треснувшей ручкой. Под пачкой писем обнаружилась старая металлическая машинка. Павел коснулся колеса; оно еще вращалось. Павел посмотрел на нее.

— Сын был ребенком, когда уехал?

— Он был ребенком для отца, — сказала Лидия. — Наверное, до конца.

Анастасия взяла верхний конверт и, не вскрывая, прочла единственное слово на нем: ***Папе***. Почерк был неровным и молодым; за девятнадцать лет в чужой кладовке чернила потускнели, но слово осталось отчетливым. Лидия села.

— Он говорил, что в последних письмах сын уже писал не о службе. О доме. О том, что вернется и они вместе покрасят кухню. Я тогда думала: зачем это помнить? Человека нет. Дом есть.

Павел почувствовал запах металла, пыли, старой бумаги и яблочного мыла от Лидииных рук. Запах был странно домашний. И от этого ящик казался не архивом, а чужой комнатой, которую много лет держали закрытой.

— Тихонов приходил сюда? — спросил он.

Лидия поняла вопрос.

— Нет. В квартиру — нет. Я не пускала.

— Почему?

— Боялась, что увидит.

— И все равно держали.

— Да.

Лидия смотрела на машинку.

— Я собиралась выбросить. Несколько раз.

Павел подождал.

— Думала: он о ней давно забыл. Зачем хранить?

Она провела пальцем по машинке.

— А потом поняла, что это я помню.

Павел промолчал. Лидия говорила без оправданий. То, что она наконец назвала свой поступок, не делало его меньше. Анастасия положила конверт обратно.

— Племянницу нужно найти.

— Я знаю.

— Не “нужно”. Вы это сделаете.

Лидия подняла взгляд. Павел впервые увидел в нем страх.

— Она меня проклянет.

— Возможно, — сказала Анастасия.

Лидия почти улыбнулась.

— Вы не утешаете.

— Это было бы невежливо.

Павел стоял рядом. Молчал. Потом сказал:

— Вы забрали у Тихонова не просто ящик.

Лидия резко посмотрела на него.

— Что?

— Последнее, что связывало его с сыном.

Она не ответила.

— Он перестал искать не потому, что нашел. Просто сил больше не осталось.

Лидия медленно опустила голову.

— Он в последний раз пришел за неделю до смерти, — сказала она. — Сел на лавку у подъезда. Зима была. Я вышла с мусором. Он сказал: “Лидия Аркадьевна, если найдете — не мне уже. Племяннице отдайте. Или в музей. Только не говорите, что мусор”. Я сказала, что мне некогда. Он кивнул. Даже не обиделся. Просто кивнул.

Она провела пальцами по крышке ящика.

— А через неделю его не стало.

В кармане Павла тонко звякнули часы. Лидия вздрогнула.

— Что это?

— Часы, — сказал Павел.

Он достал их. Открыл. Секундная стрелка медленно сделала полный круг и остановилась. На внутренней стороне крышки оставался тонкий круг с тремя короткими линиями. Павел закрыл крышку и убрал часы. Лидия снова посмотрела на ящик.

— Что мне делать? — спросила Лидия.

Анастасия ответила первой:

— Найти наследницу Тихонова. Передать ящик. Письменно подтвердить, что его согласие по протоколу не было получено.

Лидия побледнела.

— Это откроет старое решение.

— Да.

— Дом может потерять…

— Что?

Она не ответила. Павел сказал:

— Вы снова хотите спрятать человека в слове “дом”.

Лидия посмотрела на него. Долго. Потом опустила взгляд.
— Нет.
Ответ прозвучал почти неслышно. Павел дождался, пока Лидия снова подняла взгляд.

Северцев ждал во дворе. Павел увидел его из окна, пока Анастасия фотографировала содержимое ящика и записывала, что осталось у Лидии, для передачи племяннице. Марк стоял у арки; Павел спустился один.
— Вы быстро учитесь, — сказал Северцев.
— Плохо скрываете раздражение.
— Я не раздражен.
— Тогда плохо скрываете интерес.
Северцев улыбнулся.
— Это ближе.
— Вы не получили комнату.
— Сегодня — нет.
— И не получите.
— Такие слова редко выдерживают второй документ.
Павел остановился рядом. В лужах двора отражались окна, трубы и клочок серого неба.
— Вы знали про старый протокол?
— Знал, что он есть.
— Кто вам сказал?
— Бумаги.
— Какие?
— Те, которые не должны были сохраниться.
— Глинский?
Северцев посмотрел на него.
— Следы посредников живучее самих посредников.
— Вы используете его наследников?
— Они сами хотят верить, что у них есть право.
— А вы помогаете.
— Люди охотно принимают помощь, если она совпадает с их жадностью.
— Это вы сейчас о них или о себе?
Северцев улыбнулся уже без тепла.
— О доме, Павел Рейнер. Всегда о доме.
— Нет.
— Нет?
— О входе.
Северцев впервые замолчал чуть дольше.
— Значит, вы все-таки понимаете.
— Достаточно.
— Плохая формулировка.
Павел посмотрел на него и сказал спокойно:
— Осторожнее.
Северцев умолк и больше не вернулся к этой угрозе.
— Лидия Аркадьевна вам не поможет, — сказал он.
— Она и не должна.
— Вы думаете, нашли личную вину и теперь материал закроется?
— Я думаю, что вы слишком много говорите о материалах для обычного юриста.
— А вы слишком много молчите для человека, который хочет удержать дом.

Павел чуть наклонил голову.

— Я не хочу удержать дом.

— Нет?

— Я хочу понять, где заканчивается мое право.

Северцев смотрел на него несколько секунд.

— Вот теперь вы опасны.

— Почему?

— Потому что людей, которые хотят владеть, легко направлять. Людей, которые ищут границу, трудно.

Павел ничего не ответил. Из подъезда вышла Анастасия с папкой в руках. Северцев посмотрел на нее.

— До следующей границы, — сказал он.

И ушел.

В комнату карты они вернулись вечером. Лидия осталась у себя писать заявление, а Анастасия уже нашла контакты племянницы Тихонова. Павел не спрашивал, через кого пришлось их искать. Кот сидел на столе в комнате карты, хотя дверь была закрыта. Павел остановился на пороге.

— Ты не имеешь доступа.

Кот медленно моргнул. Анастасия сказала:

— Он не признает нашу юрисдикцию.

— Пусть попробует не признать коммунальный счет.

Кот спрыгнул, подошел к серому полотну, понюхал воздух и ушел в угол, демонстративно отвернувшись.

— Ему не нравится, когда карта гаснет, — сказала Анастасия.

— Ему вообще многое не нравится.

— В этом доме это почти служебная квалификация.

Павел положил часы на стол. Рядом — копию старого протокола. Анастасия — акт по ящику Тихонова и черновик письма в адрес племянницы. Реестр открылся без задержки. На странице появилась запись:

Материал: Общее имущество.

Ниже:

Общее решение принято.

Личное согласие не подтверждено.

Личное участие выделено.

Пауза. Потом еще одна строка:

Граница установлена.

Анастасия прочла запись и подняла глаза на Павла. Он еще раз посмотрел на последнюю строку.

— И все?

— Тебе мало?

— Нет.

— Тогда не провоцируй.

На карте появились две линии: одна шла к отдельной парадной Павла, другая — к бывшему помещению Тихонова. Они не соединялись, но Павлу показалось, что обе отвечают на один вопрос: где заканчивается общее и где начинается человек. Часы тихо звякнули. Секундная стрелка прошла несколько делений и замерла. Павел открыл крышку; знак Канцелярии оставался темным.

— Что это значит? — спросила Анастасия.

— Не знаю.

— Но предположение есть?

— Материал закрылся не полностью.

— Почему?

Павел посмотрел на строку:

Граница установлена.

Потом на часы.

— Потому что граница — не стена. Ее придется удерживать.

Анастасия кивнула.

— По дому?

— По всему.

Реестр перевернул страницу. Новая страница была почти пустой. На ней проступила одна короткая строка:

Связанный материал обнаружен.

Ни имени, ни адреса, ни пояснений. Павел смотрел на нее долго. Анастасия подошла ближе.

— Где?

— Не показывает.

— Почему?

— Наверное, еще не движется.

Часы молчали. Кот в углу поднял голову. Будто услышал что-то, чего люди еще не должны были слышать. Павел закрыл реестр.

— На сегодня хватит.

— Ты правда так думаешь?

— Нет.

— Тогда зачем говоришь?

— Проверяю, умею ли.

Анастасия устало улыбнулась.

— И как?

— Плохо.

Она взяла папку с документами.

— Завтра будем оформлять акт допуска для УК.

— Завтра?

— Да.

Павел посмотрел на нее.

— Опасное слово.

— Знаю.

Она остановилась у двери.

— Но иногда завтра — это не отсрочка. Просто следующий рабочий день.

Павел ничего не ответил. За окном шумел Московский проспект. Дом не стал тише или проще оттого, что Реестр отметил границу. Утром предстояло оформить допуск, потом следить, чтобы согласованный порядок соблюдали. Павел взял серебряные часы и положил в карман. Они молчали.

Правило третье. Соседняя дверь

Близость не дает права входа.

Ремонт начался с пыли. Она легла на подоконники, забралась в замки и к вечеру обнаружилась на донышке кофейной кружки. Потом появились сметы, мешки, рулоны проводов, пластиковые ведра, строительный скотч, старые гвозди, новые ругательства и рабочий по имени Роман, которого бригада называла прорабом, хотя сам он представлялся просто «старшим». На третий день Роман сообщил Павлу, что «такое ощущение, будто этот дом строили люди, которые очень не хотели, чтобы его потом ремонтировали». Павел посмотрел на него.

— Это многое объясняет.

В бывшей приемной сняли обои. Под ними обнаружились еще одни, потом краска, а под краской — трещина, из-за которой смету снова пришлось пересчитывать.

Анастасия стояла у стены с блокнотом. Она записала новую сумму, зачеркнула прежнюю и с нажимом поставила точку.

— Ты понимаешь, что ремонт в старом фонде — это отдельный договор с судьбой? — спросила она.

Павел стоял рядом с бумажным стаканом кофе.

— Без меня.

— Поздно. Ты уже согласился.

— Я согласился на дом. Не на штукатурку, которая держится на воспоминаниях.

— В этом доме, кажется, все держится на воспоминаниях.

Из коридора вышел кот. Белые лапы стали серыми; пыль припорошила усы. Он остановился перед людьми и прищурился.

— Вот, — сказал Павел. — Первый технический надзор.

Кот чихнул. Роман посмотрел на него с уважением.

— Умный.

— Нет, — сказал Павел. — Просто недовольный.

— Это почти одно и то же, — сказала Анастасия.

План помещений расстелили на полу, прижав углы коробкой с розетками и рулеткой. Павел присел и взял карандаш.

— Здесь будет кабинет.

— Логично.

— Здесь приемная.

— Для клиентов или для людей, которые еще не поняли, что стали клиентами?

— Это зависит от того, как быстро они начинают врать.

Она кивнула.

— Хорошая классификация.

Павел отметил следующую комнату.

— Здесь архив.

— Обычный?

— Насколько это слово вообще применимо.

— То есть с документами, которые хотя бы можно подшивать?

— Именно. Все, что нельзя подшивать, пусть остается в комнате карты.

— Хороший принцип. Не юридический, но честный.

Павел провел карандашом по дальней комнате.

— Там библиотека.

— У тебя есть библиотека?

— Теперь будет.

— Книги уже есть?

— Люди сначала строят полки.

— Это очень мужской подход к библиотеке.

— А женский?

— Сначала понять, что ты собираешься читать.

— Опасная стратегия. Может выясниться, что полки не нужны.

Анастасия улыбнулась и наклонилась над планом.

— А здесь?

— Спальня.

Анастасия коротко кивнула и отодвинула блокнот, чтобы лучше видеть план.

— Понятно.

Павел отметил соседнюю комнату.

— Здесь можно сделать тренажерный зал.

— Тренажерный зал?

— У меня теперь лестницы, счета и дом. Нужно соответствовать.

— По-моему, дом уже тренирует тебя достаточно.

— Дом тренирует терпение. Это другое.

Павел провел карандашом вдоль коридора. Подписи уже стояли почти у всех комнат; правую, с окнами во двор, он пока оставил без названия.

— А моя комната где?

Карандаш замер над бумагой. Анастасия выпрямилась.

— Я имела в виду… если мне придется приезжать по делам. Не моя, конечно. Рабочая. Или… неважно. Просто…

Она замолчала. Павел смотрел на план. Он провел пальцем по краю листа, выравнивая загнувшийся угол, и только потом ответил:

— Правая.

Она моргнула.

— Что?

— Правая комната. Там свет лучше.

Анастасия посмотрела на него. Павел не поднял головы.

— Для работы, — добавил он.

— Конечно.

— Если придется приезжать.

— Разумеется.

Павел подписал комнату. Анастасия снова наклонилась над планом, но уже ничего не спросила. Кот прошел по плану, наступил точно на правую комнату и сел.

— Он уже распределил, — сказала Анастасия.

— Он всегда так делает.

— С комнатами?

— С чужими иллюзиями.

Роман из коридора крикнул:

— Павел Сергеевич, по штукатурке можно?

Павел закрыл глаза.

— Я не люблю отчество.

— Понял, — крикнул Роман. — Павел! По штукатурке можно?

Анастасия прикрыла улыбку блокнотом.

— Не начинай, — сказал Павел.

— Я молчу.

— Слишком громко.

Комнату карты рабочим не показывали. Роман дошел до закрытой двери, посмотрел на нее, потом на Павла.

— Эту тоже будем смотреть?

— Нет, — сказал Павел. — Здесь мы сами.

Роман кивнул без расспросов. Павел был ему за это благодарен.

— Как скажете. Только если там проводка старая, потом не жалуйтесь.

— Не будем.

— Все так говорят.

Анастасия стояла у коробки с инструментами. Когда Роман отошел, она понизила голос:

— Серьезно сами?

— Ты хочешь пустить туда людей?

— Нет.

— Тогда сами.

— Я юрист, Павел.

— Это не противопоказание к тряпке.

— Очень спорное утверждение.

Комнатой карты занимались урывками: между звонками, документами, разговорами с Романом, проверкой смет и попытками объяснить коту, что строительная пыль не является новым видом наполнителя. За дверью сверлили, двигали стремянку, спорили из-за проводки. Здесь шум становился глуше. Зеленая лампа горела не каждый раз; серое полотно подолгу оставалось тканью, Реестр лежал закрытым. На столе снова собиралась пыль, хотя Павел хорошо помнил, как протирал его накануне.

— Она тоже ремонтируется по своему графику? — спросила Анастасия.

— Скорее проверяет, кто сдался первым.

— Ты?

— Пыль.

Кот дошел с ними до двери, заглянул внутрь и демонстративно сел снаружи.

Они начали с окна. Старая рама скрипела так, будто считала себя частью правоустанавливающего документа. Павел снимал облупившуюся краску с нижней планки, Анастасия держала фонарь и подавала инструменты.

В комнате пахло старым деревом, бумажной пылью и сыростью, въевшейся в стены. Павел всегда замечал запахи раньше, чем понимал, что они ему напоминают. У этого дома был свой: штукатурка, камень, сухое тепло старых труб — и время, которое не выветрилось.

Но когда Анастасия подходила ближе, запах менялся. Павел улавливал кофе, холодную улицу и слабый запах ее волос. Он уже узнавал его и каждый раз делал вид, что занят рамой.

— Подай тряпку, — сказал он.

— Она у тебя за спиной.

— Я знаю.

— Тогда зачем просишь?

— Чтобы ты тоже участвовала в бессмысленных действиях.

— Спасибо. Я юрист. Я уже участвую.

За тряпкой они потянулись одновременно. Анастасия задела плечом его руку, ступила на край свернутой пленки и качнулась. Павел придержал ее за талию. Ее пальцы сомкнулись у него на предплечье; он почувствовал тепло ее тела через тонкую рубашку, ее дыхание, короткое напряжение пальцев.

Отпустить следовало сразу, но он замешкался. Анастасия подняла голову и беззащитно посмотрела ему в глаза.

Она была так близко, что ему пришлось бы чуть отстраниться, чтобы привычно усмехнуться и сказать что-нибудь о тряпке. Он остался на месте.

За закрытой дверью, из соседней обычной комнаты, крикнул Роман:

— Павел Сергеевич! Тут у вас из стены ключ какой-то выпал!

Анастасия первой убрала руку и отступила к подоконнику. Павел разжал пальцы.

— Я не люблю отчество, — сказал он уже в сторону двери.

Он сам удивился, как ровно прозвучал его голос. Анастасия поправила рукав, не глядя на него.

— Зато ключ, кажется, любит драматические паузы.

— Пойдем.

— Да. Конечно.

Они вышли, оставив фонарь на подоконнике. Роман ждал у вскрытой стены. На его ладони лежал небольшой потемневший ключ; в бородке застряла известковая крошка, круглую головку пересекала полоса ржавчины.

— Из стены выпал, — сказал Роман. — Вот отсюда.

Роман показал расчищенный участок стены. Под штукатуркой открылась другая кладка — более поздняя, с неровным вертикальным швом. Вдоль него темнел край деревянной дверной коробки.

— Тут проход был, — сказал Роман. — Или дверь. Заложили давно.

Павел взял ключ. Металл холодил пальцы. Анастасия остановилась рядом, оставив между ними место для еще одного человека. Павел перевел взгляд на кладку.

— По новому плану здесь стена, — сказала она.

— По старому?

— Надо смотреть.

Роман провел рукой по кладке.

— Вскрывать?

— Нет, — сказал Павел.

Роман сразу убрал руку.

— Как скажете.

В кармане едва слышно щелкнуло. Павел достал часы и открыл крышку. На серебре оставался тонкий круг с тремя короткими линиями. Секундная стрелка коротко дернулась и снова застыла. Анастасия посмотрела на часы.

— Материал?

— Или ремонт стал дороже.

— Очень смешно.

— Нет.

Он закрыл крышку.

— Не смешно.

Кот подошел к стене. Понюхал щель между кирпичами. Потом выгнул спину и отступил.

— Даже он против, — сказала Анастасия.

— Он против всего, что не контролирует.

— Звучит знакомо.

Павел посмотрел на Анастасию. Она с подчеркнутым вниманием разглядывала стену.

— Роман, — сказал Павел. — Эту стену пока не трогать. Вообще.

— Понял.

— И никому не показывайте ключ.

Роман задержал взгляд на ключе в руке Павла, потом посмотрел на них обоих.

— У вас тут, конечно, интересный ремонт.

— Обычный, — сказал Павел.

— Ну да, — сказал Роман. — Как скажете.

В комнате карты Павел положил ключ на стол, рядом — часы. Анастасия развернула у окна старый план дома. Между ними по-прежнему оставалось лишнее расстояние; Павел занялся крышкой часов, хотя открывать ее снова не требовалось. Реестр некоторое время лежал закрытым. Затем обложка приподнялась, страницы перелистнулись, и на чистом листе выступила запись:

Материал: Соседняя дверь.

Ниже:

Смежный материал обнаружен.

Доступ: не подтвержден.

Павел прочел запись вслух и задержался на последней строке.

— То есть она показывает дверь и сразу говорит, что входить нельзя?

— Не «нельзя», — сказала Анастасия. — «Не подтвержден». Это хуже.

— Иногда ты слишком хорошо понимаешь Канцелярию.

— Иногда ты слишком плохо понимаешь слово «граница».

Он поднял глаза. Она все еще смотрела в план.

— Ты теперь будешь использовать это слово каждый раз, когда я не согласен?

— Только когда ты не прав.

— То есть каждый раз.

— Не преувеличивай. Иногда ты просто опасен.

Павел усмехнулся.

На сером полотне проявился их блок и соседняя квартира. Тонкую линию общей стены пересекал прямоугольник старого дверного проема. Возле него появилась подпись:

Островская В. Н.

Павел назвал фамилию. Анастасия отошла от окна.

— Соседка?

— Похоже.

— Вера Николаевна Островская. Квартира рядом с твоим блоком. Я видела фамилию в домовых документах. Бывшая библиотекарь, кажется. Или преподаватель.

— Ты все видела.

— Я читаю скучные приложения. В них обычно все интересное.

На карте под фамилией появилась еще одна строка:

Сторона не обратилась. Вход не подтвержден.

Павел прочел новую запись. Анастасия сказала:

— Значит, мы к ней не идем.

— Почему?

Она подняла глаза от плана.

— Потому что сторона не обратилась.

— Она может не знать.

— Может.

— А если там что-то срочное?

— Пока у нас только ключ и отметка на карте.

— А часы?

— Они сдвинулись рядом с ключом. Мы еще не знаем почему.

Павел взял ключ, взвесил на ладони. От того, что нужный предмет уже лежал перед ним, бездействовать было труднее.

— Он от двери.

— Возможно.

— Дверь рядом.

— Да.

— И что?

Анастасия закрыла план.

— Павел, ключ — это не разрешение.

Он молчал.

— Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда скажи вслух.

— Зачем?

— Потому что ты очень умеешь понимать молча, а потом делать все наоборот.

Он медленно выдохнул.

— Ключ не является разрешением.

— Хорошо.

— Ты довольна?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты все равно хочешь проверить.

Павел посмотрел на старый проем на карте и стоявшую рядом строку:

Доступ: не подтвержден.

— Хочу.

— Из-за материала?

Он не ответил. Она сказала тише:

— Или из-за своей двери?

Павел резко повернулся к ней.

— Не сейчас.

— Именно сейчас.

— Настя.

— Ты не можешь лечить свою дверь чужой.

Он хотел возразить, но только сжал ключ. Анастасия дождалась, пока он положил его обратно.

— Мы не вскрываем стену, — сказала Анастасия.

— Сегодня.

— Павел.

— Не вскрываем.

— И к Островской не идем.

Он посмотрел на Реестр.

— А если она придет сама?

— Тогда поговорим.

За дверью раздался голос Романа:

— Павел! Тут соседка пришла. Говорит, у вас шум как в аду и кот к ней ломится.

Анастасия закрыла глаза.

— Конечно.

Павел взял ключ.

— Сторона не обратилась, говоришь?

— Жалоба на кота — это не обращение по материалу.

— Зато юридически оформленная близость.

— Не радуйся.

Вера Николаевна Островская оказалась высокой сухой женщиной за шестьдесят. Седые волосы были собраны в тугой узел; пальто застегнуто со сдвигом на одну пуговицу. Трость она держала перед собой, поперек прохода. Кот сидел у ее ног и с невозмутимым видом умывался.

— Это ваш? — спросила она.

— К сожалению, — сказал Павел.

Кот посмотрел на него с холодным удивлением.

— Он пытался пройти ко мне.

— Он любит закрытые двери.

— Я тоже. Особенно свои.

Анастасия чуть отвернулась. Павел заметил, что она улыбнулась. Островская посмотрела на нее.

— Вы смеетесь?

— Нет, — сказала Анастасия. — Я понимаю.

— Тогда объясните вашему… — Островская посмотрела на Павла. — Кем он вам приходится?

Анастасия перестала улыбаться.

— Коллегой, — сказала Анастасия.

Она переложила блокнот в другую руку.

Павел посмотрел на кота. Тот был занят вылизыванием лапы и в объяснениях не участвовал.

— Я объясню коллеге, — продолжила Анастасия. — И проверю график шумных работ.

— Не только шум, — сказала Островская. — Вы стены трогаете.

Павел поднял взгляд.

— Стены наши.

— Домовые.

— В пределах наших помещений.

— Стены не знают ваших пределов.

— Это спорное утверждение.

— Это старый дом, молодой человек.

Молодым человеком его давно не называли. Павел решил пока не возражать.

— В старых домах, — продолжила Островская, — если тронуть одну стену, начинает отвечать другая.

Анастасия посмотрела на Павла. Павел — на Островскую.

— Что именно у вас произошло?

— У меня? Ничего.

— Тогда почему вы пришли?

— Потому что хочу, чтобы у меня и дальше ничего не происходило.

Павел отступил от прохода, но Островская не ушла.

Островская посмотрела мимо Павла, в сторону комнаты, где нашли ключ.

— Там была стена?

— Там и сейчас стена.

— Я спрашиваю не об этом.

— Тогда задайте вопрос точнее.

Она перевела взгляд на него.

— Вы нашли что-то в стене?

Павел молчал. Анастасия ответила:

— Ремонтные находки бывают в старом фонде.

— Я не про газеты и бутылки.

— А про что?

Островская крепче сжала трость.

— Про ключ.

Кот тихо мяукнул. Павел посмотрел на него.

— Предатель.

— Значит, нашли, — сказала Островская.

— Вы знаете, от чего он? — спросила Анастасия.

— Нет.

Островская ответила, не дослушав вопроса. Пальцы на рукояти трости побелели.

— Но предполагаете.

Островская посмотрела на него.

— Я предполагаю, что некоторые вещи лучше оставлять в стенах.

— Это не всегда возможно.

— Возможно почти всегда. Просто люди любят вытаскивать чужое и называть это правдой.

Павел усмехнулся.

— Хорошая формулировка.

— Плохая привычка, — сказала она.

И ушла. Кот попытался пойти за ней. Павел взял его на руки.

— Нет.

Кот возмутился молча. Анастасия смотрела вслед уходящей Островской.

— Она знает.

— Не все.

— Достаточно.

— Плохая формулировка.

— Ты сегодня слишком часто ее используешь.

— Это заразно.

Они остались в коридоре. Павел держал кота; Анастасия стояла у противоположной стены. Между ними снова было то самое лишнее расстояние. Два шага, но иногда два шага — это почти стена.

Анастасия написала Суханову, попросив старые поэтажные планы. Через два часа пришло письмо с вложениями. Без звонка и уточняющих вопросов. Тема была короткой:

Московский проспект. Поэтажные планы. Старые редакции.

В тексте:

Павел, не спрашиваю, зачем вам планы 1938 и 1961 годов. Это мой вклад в профилактику лишних объяснений.

Б. Суханов.

Анастасия прочитала вслух.

— Он обижается, если мы не даем ему участвовать?

— Оформляет обиду как архивную услугу.

Павел открыл вложения. На плане 1938 года между их блоком и квартирой Островской была дверь, а на чертеже 1961 года ее место занимала стена. На полях Павел разобрал карандашную пометку:

заделать по заявлению жильца

Буквы подписи почти стерлись, но фамилия читалась:

Островская.

— Ее? — спросила Анастасия.

— Скорее предыдущего поколения.

— Родители?

— Возможно.

Они сидели в кабинете Павла. Кот устроился на коробке с розетками, свернув хвост вокруг запыленных лап. Рабочие ушли; в наступившей тишине слышалось, как где-то капает вода. Иногда в общей стене щелкало. Павел прислушивался, сравнивая звук с привычным треском остывающих труб. Анастасия тоже поворачивала голову к стене, но пока ни о чем не спрашивала.

— Вера Николаевна здесь давно? — спросил Павел.

— Судя по данным, с рождения. Квартира была семьи Островских еще до войны. После смерти матери стала ее.

— Одна?

— Да.

— Дети?

— Нет.

— Муж?

— Был. Умер давно. Или развелись. Тут документы неполные.

Павел наклонился над чертежом. От двери осталось два тонких штриха карандаша; рядом теснились размеры, пересчитанные другим почерком.

— Что за соседка была с другой стороны?

Анастасия открыла еще одну папку.

— До перепланировки соседние помещения принадлежали семье Ланских. Потом часть перешла дому, часть — Островским, часть была заложена.

— Обычная история.

— Да, старые коммунальные разделы, наследования, уплотнения, потом приватизация. Но есть один человек.

— Кто?

— Надежда Павловна Ланская. Умерла в 1989 году. Жила одна. До смерти несколько лет была инвалидом после инсульта.

Павел посмотрел на стену.

— Дверь между квартирами заложили до ее смерти?

— По документам — в 1961-м.

— То есть Ланская была жива.

— Да.

Павел молчал. Анастасия сказала:

— Не делай вывод быстрее документа.

— Я еще ничего не сказал.

— У тебя лицо уже сказало.

Он посмотрел на нее.

— Что именно?

— Что ты хочешь взять ключ и проверить дверь.

— Хочу.

— И?

— Не возьму.

Она кивнула.

— Хорошо.

— Не радуйся.

За их спиной раздался скребущий звук — негромкий, будто по дереву провели ногтями. Кот поднял голову. Павел отложил план. Звук повторился, потом в стену трижды постучали. Они встали почти одновременно.

— Не надо, — сказала она.

— Я только послушаю.

— Это уже начало плохого протокола.

Павел подошел к стене. За кладкой на миг стало тихо. Затем донесся слабый женский голос: слов он не различил, только выдох и протяжный звук, похожий на зов.

Он закрыл глаза. На миг вернулась дверь без стены, стоявшая в парке, и то облегчение, с которым он когда-то позволил себе отложить все до завтра.

— Павел.

Голос Анастасии вернул его в комнату. Она стояла рядом, не касаясь его руки.

— Это не твоя дверь, — сказала она.

Он не ответил.

— Повтори.

— Не надо.

— Надо.

Он медленно выдохнул.

— Это не моя дверь.

Из стены снова донесся тихий стук. Кот спрыгнул с коробки и ушел в коридор.

Через двор они дошли до второй парадной, поднялись на этаж и позвонили к Островской. Вера Николаевна открыла не сразу. Когда открыла, трость была у нее в руке.

— Снова ваш кот?

— Нет, — сказал Павел.

— Тогда неинтересно.

Она уже хотела закрыть дверь, но Анастасия сказала:

— Надежда Павловна Ланская.

Островская замерла. Трость чуть стукнула по паркету.

— Что?

— Она жила за стеной. До 1989 года.

— В этом доме много кто жил.

— Вы ее знали?

— Все всех знали.

— Вы слышали ее сегодня?

Островская посмотрела на Анастасию так, будто та сказала неприличность.

— Что за вопрос?

— Прямой.

— Не люблю прямых вопросов.

— Я тоже, — сказал Павел. — Но они экономят время.

— У вас его мало?

— У всех его мало.

Островская долго смотрела на них. Потом отступила.

— Войдите. Но ненадолго.

В квартире пахло книжной пылью, старой тканью и лекарствами. Из кухни тянуло сушеными яблоками. Павел задержался в дверях комнаты: вдоль стен стояли шкафы, книги теснились в два ряда, поверх них лежали папки и пожелтевшие журналы. Над комодом висел портрет женщины с прямым пробором и тяжелым взглядом.

— Мать? — спросила Анастасия.

— Да.

— Она подавала заявление о заделке двери?

Вера Николаевна посмотрела на портрет.

— Подавала.

— Почему?

— Потому что Ланские все время ходили через нас. Коммунальный быт. Болезни. Скандалы. Просьбы. Моя мать говорила: чужое горе всегда начинается с открытой двери.

— И заделала.

— Да.

— Но вы все равно слышали Ланскую.

Островская села.

— Я была молодой. Мне было двадцать восемь. Или двадцать девять. Не помню.

— Помните.

Она резко посмотрела на Павла. Он не отвел взгляд. Островская усмехнулась.

— Вы все так говорите, когда хотите, чтобы человек сам себя выдал.

— Не все.

— А вы?

— Часто.

— Честно.

— Иногда.

Она положила трость на колени.

— Надежда Павловна после инсульта плохо говорила. Левая рука почти не работала. Дочь уехала. Сиделка приходила днем. Ночью она была одна.

Анастасия молчала. Павел остался у книжного шкафа.

— Мы с матерью иногда помогали, — продолжила Вера. — Ходили к ней через подъезд. Потом все реже. У каждого своя жизнь.

— А в ту ночь?

Островская закрыла глаза. Пальцы на рукояти трости разжались, затем снова стиснули дерево.

— Она стучала.

Павел невольно коснулся кармана с часами и убрал руку.

— В стену? — спросила Анастасия.

— В старую дверь. Изнутри. Там заделали не полностью. Осталась коробка, пустота, дерево. Если стучать сильно, у нас было слышно.

— Вы услышали?

— Да.

— Позвали помощь?

— Нет.

Островская поправила трость на коленях.

— Почему? — спросила Анастасия.

Островская открыла глаза.

— Потому, что я устала.

Павел посмотрел на нее.

— От чего?

— От того, что если один раз откликнуться, потом тебя считают обязанной. От того, что чужая беспомощность становится твоим расписанием. От того, что ты молодая, у тебя работа, муж, жизнь, а за стеной человек, который каждый день напоминает: однажды ты тоже будешь лежать и стучать.

Она говорила сухо, глядя поверх стола. Павел ждал, что она остановится или возьмет свои слова обратно.

— Я сказала себе: придет сиделка утром. Может, она уронила стакан. Может, зовет кошку. Может, мне показалось. Я даже подушку на голову положила.

Анастасия тихо спросила:

— А утром?

— Утром ее нашли на полу. Она пыталась дотянуться до телефона.

Павел на секунду закрыл глаза.

Перед ним снова возникла дверь в парке и осталась стоять, пока он вспоминал собственное «завтра».

Он открыл глаза.

— Она умерла?

— Через два дня в больнице.

Островская замолчала. В кармане Павла тонко звякнули часы; в тесной комнате звук оказался отчетливым. Она вздрогнула.

— Что это?

Павел достал и открыл часы. Секундная стрелка сдвинулась на одно деление и замерла. Он закрыл крышку.

— Часы, — сказал Павел и продолжил: — Мы тоже слышали стук.

— Что вы хотите?

— Попробовать разобраться.

— Я вас ни о чем не просила.

— Знаю.

— Тогда уходите.

— Можем.

Анастасия повернулась к нему. Павел заметил ее взгляд и добавил:

— Но дверь останется.

Островская побледнела.

— Какая дверь?

— Та, которую вы заделали не сами, но приняли как удобство.

— Вы не имеете права…

— Не имею, — сказал Павел.

Это остановило ее сильнее, чем если бы он начал спорить.

— Не имею права входить. Не имею права открывать. Не имею права решать за вас.

Анастасия смотрела на него внимательно. Он не смотрел на нее.

— Тогда зачем пришли?

— Чтобы сказать: ключ у меня.

Островская медленно повернула голову.

— Вы нашли его.

— Да.

— Отдайте.

— Нет.

— Вы только что сказали, что не имеете права.

— Не имею права открыть. Но имею право не отдавать ключ человеку, который хочет снова спрятать дверь в стену.

Она поднялась.

— Это моя квартира.

— Да.

— Моя стена.

— Да.

— Моя жизнь.

— Да.

Павел покатал ключ между пальцами. Островская ждала. Он положил ключ посередине стола, но она не протянула руку.

— Поэтому открыть можете только вы.

Островская смотрела на ключ. Долго. Потом тихо сказала:

— Уходите.

Павел кивнул.

— Пойдем, — сказала Анастасия.

Ключ остался на столе. Они вышли. У двери Островская остановила их голосом:

— Если я не открою?

Павел не обернулся.

— Тогда не откроете.

— И все?

— Нет.

Он все-таки повернулся.

— Тогда вы будете жить рядом с дверью, которую опять не открыли.

Ночью Павел долго лежал с открытыми глазами. За окном проехала машина, потом он слышал только дом: трубы, редкие щелчки в стенах, скрип половиц этажом выше. Анастасия осталась в правой комнате. Он успел отнести туда лампу, но спросить, удобно ли ей, так и не собрался. Вспоминал ее руку у себя на предплечье и сердился, что после этого они целый день говорили почти исключительно о чужой двери.

Часы лежали на столике рядом с кроватью. Кот спал в кресле, уткнувшись носом в передние лапы. Из стены донесся стук: три раза, после паузы еще два.

Павел встал, накинул рубашку и взял часы. В коридоре уже стояла Анастасия — в темной футболке и джинсах, босиком. Она убрала волосы со лба и посмотрела на стену.

— Ты тоже слышала, — сказал Павел.

— Да.

— И?

— И мы не идем вскрывать стену.

— Я не собирался.

— Я проверяю.

— У тебя плохое мнение обо мне.

— У меня точное мнение о твоих травмах.

Он усмехнулся.

— Это хуже.

Стук повторился ближе. Следом из соседней квартиры донеслись шаги, щелкнул замок. Через некоторое время внизу хлопнула входная дверь. Они вышли на лестничную площадку. Островская поднималась по лестнице в старом халате; на раскрытой ладони лежал оставленный у нее ключ.

— Я не буду просить, — сказала она.

Павел кивнул.

— Хорошо.

— И благодарить не буду.

— Еще лучше.

Она посмотрела на Анастасию.

— Вы пойдете?

Анастасия ответила:

— Если вы захотите.

Островская помолчала.

— Хочу.

Они втроем пошли в квартиру к Островской.

У дальней стены в квартире был отодвинут книжный шкаф. Книги лежали на полу стопками, несколько раскрытых томов прижало к плинтусу. Островская, похоже, двигала шкаф одна. За ним проступили темные линии косяка, ручка и полосы дерева под старой краской. Через минуту Павел уже различал всю дверь. Островская подошла к двери.

— Вы не откроете? — спросила она.

Павел остановился в двух шагах от стены. Островская все еще держала ключ на ладони.

— Нет.

Она посмотрела на него.

— Почему?

— Это не моя дверь.

Анастасия осталась рядом. Павел чувствовал, что она смотрит на него, и удержался от желания объяснить свой отказ. Островская вставила ключ. Замок не поддался. Она попробовала еще раз. Руки дрожали.

— Не получится, — сказала она.

— Получится, — сказала Анастасия.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вы уже решили.

Островская повернула ключ. Замок тихо щелкнул, дверь подалась внутрь. Она оставила ключ в скважине. Свет из комнаты лег на чужой паркет: за проемом стояли кресло и тумбочка, на полу валялся стакан. Телефон был на низком столике, в двух шагах от кресла. К нему через пыль тянулся неровный след. Выше на обоях темнел прямоугольник от снятой картины. Павел уловил затхлый воздух, запах лекарств, давно не проветривавшейся комнаты. Островская закрыла рот рукой. Павел остался у проема, слушая, как она дышит.

Она сделала два шага и остановилась у телефона.

— Я слышала, — сказала она.

Никто не ответил.

— Я все слышала.

Островская опустилась на колени. Сначала еще держалась за край столика, потом рука соскользнула.

— Я положила подушку на голову.

Анастасия подошла и остановилась рядом. Павел ждал, не понадобится ли помочь Островской встать, но та смотрела только на телефон.

— Она могла бы выжить?

Павел молчал. Анастасия тоже.

— Скажите.

Павел ответил:

— Не знаю.

— Но могла?

— Возможно.

Островская закрыла глаза.

— Я знала.

В кармане тонко звякнули часы. Павел приоткрыл крышку: секундная стрелка медленно прошла полный круг и остановилась. За дверью переменился свет. Он все еще видел кресло,

стакан и телефон, но теперь взгляд свободно переходил с одного предмета на другой. Исчезло мучительное ожидание, что из-за кресла кто-нибудь позовет снова.

На старой дверной коробке проступили тонкие строки, словно под лаком потемнели волокна дерева:

Смежность не является основанием доступа.

Вход осуществлен стороной.

Павел прочел их вполголоса. Анастасия вернулась к проему и остановилась у него за плечом. Островская не обернулась: она сидела на полу перед телефоном, опустив руки на колени.

Утром рабочие нашли стену целой. От двери и старой коробки не осталось следа; только на одном участке штукатурка почему-то высохла быстрее, чем вокруг. Роман почесал затылок.

— А ключ-то куда делся?

Павел посмотрел на стену.

— Вернулся.

— Куда?

— В дело.

Роман еще раз посмотрел на кладку и вернулся к инструментам.

Анастасия стояла у окна с кружкой кофе. Павел остановился у другого края подоконника. После ночного разговора в коридоре он снова не знал, с чего начать; она смотрела во двор. Кот сидел на подоконнике и смотрел на двор.

— Она уехала? — спросила Анастасия.

— К дочери Ланской.

— Она же умерла.

— К внучке, — поправился он. — Нашла адрес. Сама.

— Сказать?

— Что?

— Что это правильно.

Павел помолчал.

— Она и так знает.

— Не всегда люди знают то, что сделали правильно.

— Иногда лучше.

Анастасия посмотрела на него.

— Ты тяжело не открыл.

— Очень.

— Поэтому правильно.

— Не всегда одно следует из другого.

— Сегодня — следовало.

Павел не ответил.

В комнате карты Реестр лежал открытым. На странице материала появилась запись:

Материал: Соседняя дверь.

Ниже:

Смежность не является основанием доступа.

Вход осуществлен стороной.

И еще ниже:

Доступ Павла: не подтвержден.

Нарушение границы: не установлено.

Последнюю строку Павел прочел дважды. Анастасия подошла ближе.

— Тебя оправдали?

— Нет.

— А что?

— Напомнили, что не каждую дверь надо открывать самому.

Она кивнула.

— Хорошее напоминание.

— Ненавижу хорошие напоминания.

— Знаю.

Часы лежали рядом с Реестром. Секундная стрелка стояла на том делении, где замерла ночью. Павел повернул открытую крышку к свету: круг с тремя короткими линиями не изменился. Он закрыл часы.

— Что дальше? — спросила Анастасия.

На карте проявлялась тонкая линия от соседней квартиры за пределы дома. Павел проследил ее взглядом, но конечной точки еще не видел.

— Дальше, — сказал он, — ремонт.

Из коридора крикнул Роман:

— Павел! Тут по смете надо согласовать.

Павел закрыл глаза.

— Вот видишь, — сказала Анастасия. — Самый страшный материал.

— Не провоцируй.

Кот спрыгнул с подоконника, прошел между ними и направился к двери. На пороге он остановился, оглянулся и вышел.

Северцев стоял у отдельной парадной. Павел заметил его из окна: темное пальто у светлой стены, лицо поднято к фасаду. Уходить Марк, похоже, не собирался.

— Он опять здесь, — сказала Анастасия.

Павел подошел к окну.

— Похоже, видит больше других, — сказал Павел.

— Или делает вид.

— Иногда разница формальная.

— Чаще всего именно она и важна, — сказала она.

Павел посмотрел на нее.

— Не начинай говорить как Суханов.

— Поздно. Это профессиональная деформация.

Он надел пальто и вышел один. Северцев стоял спокойно, без зонта, хотя мелкий дождь уже начал оседать на воротнике его пальто.

— Вы часто приходите к чужим дверям? — спросил Павел.

— Реже, чем хотелось бы. Чаще, чем вам удобно.

— Это уже почти признание.

— Нет. Наблюдение.

— За мной?

Северцев посмотрел на фасад.

— За возможностью, которая наконец получила носителя.

Павел молчал.

— Вы нашли дверь, — сказал Северцев.

— В старом доме это не редкость.

— И не открыли.

Павел посмотрел на него внимательнее.

— Вы удивительно осведомлены.

— Нет. Просто вы стоите так, как человек, который не сделал то, что очень хотел сделать.

— Психология?

— Опыт.

— Ваш?

— Чужой. Он дешевле.

Павел усмехнулся.

— У вас все товар.

— Почти все. Остальное просто еще не оценили.

Павел шагнул ниже на ступень.

— Карту нельзя купить.

Северцев впервые улыбнулся чуть живее.

— Разумеется.

— И украсть нельзя.

— Сама карта мало кому нужна.

— Правда?

— Карта без права доступа — предмет интерьера. Редкий. Опасный. Бесполезный.

Павел смотрел на него молча.

— Не делайте такое лицо, Павел Рейнер. Вы ведь уже поняли. Не комната интересна. Не стены. Не ваши часы, хотя часы, признаюсь, заслуживают отдельного разговора.

— Не будет разговора.

— Будет. Но позже.

— Тогда что вас интересует?

Северцев посмотрел прямо на него.

— Вы.

Павел выдержал его взгляд.

— Плохой выбор.

— Наоборот. Очень редкий.

— Я не предмет доступа.

— Конечно нет. Предметы проще.

Дождь усилился. Капли стекали с козырька и разбивались о ступени между ними.

— Ваш отец был близко, — сказал Северцев.

Павел перестал слышать шум двора.

— К чему?

— К тому, что теперь открыто вам.

— Он вошел в комнату.

— В комнату — да.

— А к карте?

Северцев не сразу ответил. Потом сказал:

— Не имени не хватило.

Павел ждал, не отводя глаз.

— Связи, — закончил Северцев.

Павел сделал еще один шаг вниз. Теперь между ними осталось меньше метра.

— Откуда вы знаете эту формулу?

— От людей, которые давно собирают следы.

— Черный рынок?

— Грубое выражение.

— Точное?

— Частично.

Павел кивнул.

— Значит, вы пришли не за домом.

— Дом — это форма.

— И не за комнатой, и не за картой.

— Комната — это вход, а карта — это возможность.

— Тогда опять приходим ко мне.

— Именно.

Северцев говорил ровно. Впервые за разговор он перестал улыбаться.

— Вы видите больше других, Павел Рейнер. И каждый раз делаете вид, что главное — не воспользоваться этим.

— Главное — понять, имеешь ли право.

Северцев почти раздраженно выдохнул.

— Вот это в вас и невыносимо.

— Рад быть полезным.

— Люди десятилетиями ищут доступ. Теряют деньги, репутацию, семьи, здоровье, иногда жизнь. Ваш отец искал. Другие искали. Некоторые до сих пор ищут. А вы, получив то, что нельзя купить, украсть или выпросить, стоите перед дверью и повторяете: «Это не моя дверь».

— Потому что это была не моя дверь.

— Удобная фраза.

— Точная.

— Иногда точность — просто хорошо оформленный страх.

Павел молчал. Северцев посмотрел на окна дома.

— Если вы видите больше других, вы обязаны действовать.

— Возможность не создает права.

— Неиспользованная возможность тоже может быть преступлением.

Павел помолчал. Ему вспомнился стук из-за стены и то, как Анастасия потребовала повторить: «Это не моя дверь». Северцев ждал ответа.

— Вы хотите, чтобы я пользовался картой иначе, — сказал Павел.

— Я хочу понять, можете ли вы.

— А если нет?

— Тогда кто-то попытается воспользоваться вашим правом вместо вас.

— Карту нельзя украсть.

— Я говорил не о карте.

Павел смотрел на него. Северцев улыбнулся.

— До следующего правила, Павел Рейнер.

— Вы их тоже видите?

— Нет. Но люди вроде вас всегда учатся медленнее, чем думают.

Северцев направился к арке. Павел остался на ступенях под усилившимся дождем. Наверху у окна стояла Анастасия; он заметил ее, когда поднял голову.

Северцев почти дошел до арки, потом остановился и не оборачиваясь сказал:

— Кстати. Иногда человек виноват не потому, что открыл чужую дверь. — Он помолчал, потом добавил: — А потому, что слишком долго стоял рядом с открытой.

Он ушел. Павел дождался, пока он скроется в арке, и поднялся обратно. Анастасия встретила его в коридоре.

— Что он хотел?

— Меня.

Она не сразу ответила.

— Это прозвучало хуже, чем могло.

— Так и было.

— Он знает про карту?

— Он знает про доступ.

— Это разные вещи.
— Для него — нет.
Анастасия посмотрела в сторону закрытой комнаты карты.
— А для тебя?
Павел снял мокрое пальто.
— Для меня — теперь слишком разные.

Правило четвертое. Предупреждение

Предупреждение не является правом на выбор за сторону.

Северцеву не нравились помещения без окон. В них приходилось все время смотреть на собеседника. По его опыту, люди быстрее уставали от этого и начинали говорить правду. Ему самому правда была нужна лишь до тех пор, пока из нее можно было извлечь пользу.

Комната находилась на втором этаже старого административного здания возле канала. По документам здесь числился архив ликвидированной проектной организации. От него остались металлические шкафы, стол и два стула. У электрического чайника на столешнице белел известковый круг; в спертом воздухе пахло бумагой и нагретой пылью.

Мужчина ждал у дальнего шкафа, не сняв темного пальто и тонких перчаток. Северцев уже встречался с ним, но всякий раз замечал эту особенность: стоило отвернуться, и лицо теряло отчетливость. В памяти оставался голос.

— Вы опоздали, — сказал он.

— На три минуты.

— Поэтому я и сказал.

Северцев снял перчатки и положил их на край стола.

— Если вы хотели обсудить Рейнера, можно было сделать это по телефону.

— Нет.

— Почему?

— По телефону вы осторожнее.

Северцев усмехнулся.

— Это недостаток?

— Привычка. Удобная, но не всегда продуктивная.

Мужчина открыл тонкую папку и выложил фотографии: дом на Московском проспекте, отдельная парадная, окно комнаты карты. На одном снимке Павел стоял у входа рядом с Анастасией. На другом на подоконнике сидел кот. Северцев задержал взгляд на последнем снимке.

— Кота тоже учитываем?

— Иногда животные замечают границы раньше людей.

— Фраза почти для открытки.

— Не отвлекайтесь.

Северцев накрыл ладонью снимок, на котором стояла Анастасия.

— Рейнер не сдвинется от разговоров.

— Он уже сдвинулся.

— Нет. Он учится отказывать себе. Это другое.

— Значит, надо дать ему то, от чего он не сможет отказаться.

Северцев посмотрел на мужчину внимательнее.

— Вы хотите предложить прямое давление?

— Давление на таких людей бесполезно. Они становятся красивее в сопротивлении.

— Тогда что?

— Опасность.

Северцев опустил глаза на фотографию.

— Чью? — спросил Северцев.

— Не его.

— Анастасии?

Мужчина поднял глаза. Северцев встретил его взгляд и убрал руку с фотографий.

— Рано.

Северцев промолчал.

— Рейнер пока держится на правилах, — продолжил мужчина. — Вход, граница, смежность. Он называет это правом. На самом деле это способ отложить действие.

— Он не глуп.

— Именно поэтому его надо проверять не словами.

Северцев отодвинул снимки.

— Кого вы предлагаете использовать?

— Романа.

— Прораба?

— Старшего по работам.

— Он не имеет отношения к карте.

— Поэтому подходит.

Северцев откинулся на спинку стула.

— Объясните.

Мужчина достал из папки черновик технического пояснения. Северцев пробежал его глазами и вернулся к началу. Три абзаца занимали меньше половины листа. Ни замеров, ни описания работ — зато каждое слово подводило к нужному выводу.

При выполнении ремонтных работ выявлены признаки ранее скрытого прохода, доступ к которому был ограничен собственником помещений.

Характер кладки указывает на намеренное сокрытие смежного помещения.

Обнаруженные признаки могут свидетельствовать о наличии помещения технического назначения, доступ к которому не был предоставлен для обследования.

Северцев поднял взгляд.

— Это не пояснение.

— Разумеется.

— Это выводы.

— Поэтому их должен подписать не тот, кто их составил, а тот, кто нашел стену.

— Роман не эксперт.

— Достаточно того, что он прораб.

— В суде это разорвут.

— Не сразу.

— А потом?

— Потом Роман объяснит, что подписал за деньги текст, которого не понимал. Или подтвердит его. В обоих случаях нам будет полезно.

Северцев медленно положил лист обратно.

— Вы хотите подставить его под уголовную историю.

— Не я. Его собственная подпись.

— Тонкая разница.

— Чаще всего именно она и важна.

Северцев резко посмотрел на собеседника. Тот безразлично поправил край лежавшей перед ним папки.

— Допустим, он согласится, — сказал Северцев. — При чем здесь Рейнер?

— Рейнер увидит опасность.

— Откуда?

— У него есть карта.

— Карта не показывает все.

— Нам и не нужно все. Нам нужно, чтобы он увидел достаточно.

— А если не увидит?

— Тогда Роман подпишет.

— И окажется крайним.

— Возможно.

Северцев молчал. Мужчина говорил все тем же ровным голосом; возможные последствия для Романа не потребовали даже паузы.

— Вы хотите сделать из Романа наживку, — сказал Северцев.

— Нет. Наживка привлекает добычу. Роман — обстоятельство.

— Удобное слово.

— Рабочее.

Северцев встал и подошел к шкафу. За стеклом теснились папки с выцветшими корешками. Годы и номера еще читались, фамилии проектировщиков почти стерлись.

— Рейнер может предупредить, — сказал он.

— В этом и задача.

— Если предупредит правильно, Роман не подпишет.

— Тогда посмотрим, признает ли карта вмешательство.

Северцев повернулся.

— Вы уверены, что она вообще отреагирует?

— Нет.

— Тогда зачем?

Мужчина закрыл папку.

— Потому что Рейнеру надо дать живую опасность. Не дверь. Не старый долг. Не вещь. Человека, который может потерять свободу, если возьмет деньги и поставит подпись.

Северцев молчал.

— Он все еще думает, что возможность не создает права, — сказал мужчина. — Посмотрим, что он скажет, когда возможность будет касаться не стены, а человека.

— Вы хотите, чтобы он вмешался.

— Я хочу, чтобы он перестал прятаться за правильные формулы.

— А если не вмешается?

— Тогда он получит новую вину.

Мужчина придвинул лист к краю стола. Северцев вернулся на свое место. Он взял лист.

— Сумма?

— Достаточная, чтобы Роман не счел ее оскорблением. Недостаточная, чтобы сразу понял, что покупают не его время.

— Вы хорошо считаете чужую бедность.

— Она редко меняется.

Северцев сложил лист пополам.

— Я поговорю с ним.

— Нет.

— Почему?

— Вы поговорите с Рейнером.

Северцев посмотрел на него.

— О Романе?

— Об опасности.

— Он поймет.

— Не сразу.

— А потом?

— Потом нам и станет интересно.

На следующее утро, едва Павел вышел на лестницу, снизу донесся стук: рабочие разбирали старую обшивку. Роман ждал у лестницы с планшетом и рулеткой. На рукаве серела пыль; на экране поверх сметы было открыто несколько сообщений. При виде Павла он погасил экран и снова включил его, уже без переписки.

— У нас проблема, — сказал он.

— Хорошее начало дня.

— Это еще не начало. Это продолжение вчерашнего.

Павел посмотрел на лестницу.

На стенах сняли часть старой краски. Пыль висела в косом свете окна и оседала на перилах. Павел взялся за них и тут же отер ладонь о штанину.

Кот сидел на верхней ступени и наблюдал за Романом с видом собственника, сомневающегося в квалификации подрядчика.

— Что теперь? — спросил Павел.

Роман показал на планшет.

— По смете надо согласовать усиление проема. И еще электрику. И еще вот это.

— «Вот это» звучит дороже всего.

— Так и есть.

Анастасия вышла из квартиры с папкой в руках. Павел уже привык видеть ее по утрам. Сейчас он поймал себя на мысли, что, услышав шаги за дверью, надеялся увидеть именно ее. Ему нравилось, что она приехала к нему, и пока он старался не думать, надолго ли. Она остановилась рядом, и он чуть потеснился, оставляя ей место перед экраном. Анастасия скользнула по нему взглядом и повернулась к Роману.

— Сколько? — спросила она.

Роман назвал сумму. Анастасия спокойно закрыла папку.

— Дом продолжает воспитывать тебя через финансовую дисциплину.

— Дом переоценивает мой интерес к воспитанию.

Роман кашлянул.

— Я могу часть работ перенести. Но бригаде надо платить. Люди не будут ждать, пока старый фонд решит, кем он хочет быть.

Роман говорил без привычной усмешки. Большим пальцем провел по ребру планшета, стирая пыль.

— Задержки?

Роман пожал плечом.

— У всех задержки.

— Это не ответ.

— Зато безопасный.

Анастасия посмотрела на него внимательнее. Роман убрал планшет.

— Ничего страшного. Разберемся.

Он быстро убрал рулетку в карман. Павел узнал эту поспешность: ответ дан, разговор можно считать законченным.

В кармане щелкнуло. Павел достал часы и открыл крышку. Круг с тремя короткими линиями на серебре казался темнее; он повернул крышку к окну, но разницы не заметил. Секундная стрелка стояла. Минутная дрогнула и замерла, не дойдя до следующего деления. Анастасия перевела взгляд с его лица на циферблат.

— Что?

— Не знаю.

— Ненавижу, когда ты так отвечаешь.

— Я тоже.

— Поэтому и ненавидишь?

— Нет. Потому что это правда.

Роман посмотрел на часы.

— Они у вас идут?

— Нет.

— А зачем тогда носите?

Павел закрыл крышку.

— Чтобы иногда напоминали, что не все, что не идет, стоит на месте.

Роман помедлил, разглядывая закрытую крышку.

— Сильно.

— Не повторяйте.

— Не буду. У меня ребята не поймут.

Он ушел к рабочим. Анастасия проводила его взглядом.

— У него проблемы.

— У всех проблемы.

— Павел.

— Да. У него конкретные.

— Деньги?

— Скорее всего.

— И часы?

Павел оглянулся на дверь квартиры.

— Пока не знаю.

— Пойдем смотреть?

— Карту?

— Нет. Смету. Сначала реальность.

— Ты стала жестокой.

— Я стала практичной.

— Разница?

— В счете.

Павел отступил, пропуская ее в квартиру, хотя места хватало обоим. Анастасия направилась в кабинет. Теперь он всякий раз замечал, как близко она проходит, и сердился на себя за эту осторожность.

Северцев появился после обеда. Павел увидел его из окна: Марк стоял у отдельной парадной, лицом к фасаду, и ждал. Анастасия подошла к окну следом.

— Не спускайся один, — сказала она.

— Почему?

— Потому что он слишком любит разговоры без свидетелей.

— Я тоже.

— Вот именно.

Павел надел пальто и спустился один. От мелкого дождя на плечах Северцева расплывались темные пятна. Марк не стал уходить под козырек.

— Вы опять пришли к двери, — сказал Павел.

— После прошлого раза решил соблюдать тему.

— У вас получается навязчиво.

— У вас — осторожно. Каждый со своей слабостью.

Павел остановился на нижней ступени.

— Что вам нужно?

— Предупредить.

— Какая неожиданная щедрость.

— Я бы не называл это щедростью.

— А как?

— Экономией будущего спора.

Павел молчал. Северцев посмотрел на фасад.

— Человеку иногда достаточно сказать о риске заранее. Тогда все, что он сделает после, становится уже не ошибкой, а выбором.

— Вы сейчас о суде?

— О жизни.

— Слишком широко.

— Наоборот. Достаточно точно.

Северцев перевел взгляд на Павла.

— Если человеку грозит опасность, а вы можете предупредить, вы промолчите?

— Зависит от того, что я знаю.

— Нет. Зависит от того, готовы ли вы признать ответственность за свое знание.

— Ответственность не равна праву управлять.

— Управлять? Какое грубое слово. Я говорю — предупредить.

— Иногда это одно и то же.

— Только если предупреждать неумело.

Павел усмехнулся.

— У вас есть учебник?

— У меня есть опыт.

— Чужой?

— Обычно он дешевле.

Павел вспомнил вчерашний разговор у парадной: Северцев уже называл чужой опыт дешевым. Сегодня это прозвучало почти как расценка.

— Вы хотите, чтобы я предупреждал людей об опасности?

— Я хочу понять, что вы будете делать, когда карта покажет вам не дверь и не стену, а человека.

Павел не ответил.

— Дверь можно не открыть, — продолжил Северцев. — Очень благородно. Очень чисто. Очень удобно. Но если за дверью не память, а живой человек? Если он сделает шаг — и получит срок, смерть, потерю, которую можно было предотвратить одним словом?

— Тогда надо понять, какое слово сказать.

— Нет. Тогда надо сказать вовремя.

— Это ваша ошибка.

— Правда?

— Да. Вы путаете предупреждение с воздействием.

Северцев улыбнулся.

— А вы путаете осторожность с нравственным комфортом.

Павел сделал шаг вниз.

— Если вы пришли предупредить меня, говорите.

— Вас?

— Вы же экономите будущий спор.

— Хорошо, — сказал Северцев. — Вокруг вашего дома будет суд. Не один. Не сразу. Но будет.

— Это угроза?

— Предупреждение.

— Я должен быть благодарен?

— Нет. Достаточно, чтобы вы знали.

— Чтобы потом сказать, что я действовал осознанно?

— Видите, вы прекрасно понимаете механизм.

Павел некоторое время смотрел на него, не отвечая.

— Вы не предупреждаете. Вы распределяете ответственность.

— Иногда это и есть предупреждение.

— Нет.

— Нет?

— Это подготовка обвинения.

Северцев чуть склонил голову.

— Возможно, вы все-таки учитесь быстрее, чем кажется.

— А вы медленнее, чем надеетесь.

Северцев поджал губы. Улыбка исчезла прежде, чем он успел ответить.

— Неиспользованная возможность тоже может быть преступлением, Павел Рейнер.

— Только если у человека было право действовать.

— Право, право, право. Вы все еще говорите так, будто жизнь — это Реестр.

— А вы говорите так, будто чужая жизнь — это инструмент.

Северцев замолчал. Потом улыбнулся.

— До скорого.

— Это тоже предупреждение?

— Нет. Это расписание.

Он ушел к арке. Павел остался на ступенях и поднял голову. Анастасия стояла у окна. Ему не хотелось пересказывать этот разговор на ходу: слишком точно Северцев подбирал вопросы, слишком настойчиво возвращался к чужой опасности.

Наверху Анастасия ждала в коридоре. Они прошли в комнату карты. Павел достал часы; прежде чем он успел положить их на стол, Реестр раскрылся. На пустой странице проступило:

Правило четвертое. Предупреждение.

Ниже:

Сторона: не установлена.

Опасность: установлена.

Воздействие: не допускается.

Павел прочел запись. Анастасия стояла рядом, опираясь о край стола.

— Сторона не установлена?

— Пока.

— А опасность уже установлена?

— Да.

— Прекрасно. Карта стала еще любезнее.

Павел смотрел на строки.

— Северцев говорил об опасности.

— Северцев всегда говорит о том, что собирается использовать.

— Думаешь, это связано?

— Думаю, если он вдруг стал философом предупреждения, значит, где-то рядом уже лежит бумага.

Павел посмотрел на нее.

— Почему бумага?

— Потому что Северцев не романтик. Он не создает опасность ножом. Он создает ее формулировкой.

Павел положил часы рядом с Реестром. Минутная стрелка по-прежнему стояла между делениями. Он поднес циферблат к свету, затем опустил часы на стол, оставив крышку открытой.

— Что будем делать? — спросила Анастасия.

— Пока ничего.

— Это редкое решение.

— Не привыкай.

Уголки ее губ чуть дрогнули, но она сразу стала серьезной. После того случая у окна Павел ловил себя на желании задержать каждый такой взгляд.

— Павел, — сказала она. — Если это про предупреждение, самый простой способ ошибиться — начать предупреждать слишком рано.

— Или слишком поздно.

— Да.

— Удобное правило.

— Нет. Трудное.

Он посмотрел на строку:

Воздействие: не допускается.

— А если человек сам не понимает, что ему грозит?

— Тогда надо сделать так, чтобы понял.

— Это и есть воздействие.

— Не всегда.

— Разница?

Анастасия положила ладонь на край стола. Между ее пальцами и его рукой лежал открытый Реестр.

— Предупреждение должно расширять выбор, а не сужать его до твоего решения.

Павел молчал.

— Ты можешь дать человеку факты, — сказала она. — Но не имеешь права дать ему свой страх вместо выбора.

Он посмотрел на нее.

— Ты уже знаешь, что я сделаю?

— Нет.

— Но боишься?

— Да.

Она отвела глаза к Реестру. Павел не стал спрашивать, чего именно она боится. На странице появилась новая строка. Павел прочел ее:

Сторона: определяется.

Павел закрыл Реестр, защелкнул крышку часов и убрал их в карман.

— Значит, ждем.

— Очень не твой метод.

— Это все еще не комплимент.

— Конечно.

К вечеру Роман дважды переспросил одно и то же по электрике и забыл планшет в коридоре. Потом остановился у стены, где нашли ключ. Стену не трогал, только разглядывал место прежнего шва. Павел наблюдал из дверей кабинета. За его спиной Анастасия перестала шелестеть бумагами.

— Не смотри на него так, — сказала она.

— Как?

— Как на человека, которого уже надо спасать.

— Я просто смотрю.

— Угу.

Она перевернула страницу.

— Ты очень громко просто смотришь.

Павел отошел от двери.

— Он что-то скрывает.

— Возможно.

— Северцев?

— Возможно.

— Ты сегодня экономишь слова.

— Потому, что если начну говорить полными предложениями, скажу, что мы почти ничего не знаем.

— Очень длинное предложение.

— И очень полезное.

Роман прошел мимо кабинета, замедлил шаг и вернулся к двери.

— Павел, можно спросить?

— Да.

— Если человек подписывает бумагу, но сам ее не писал, это все равно его слова?

Анастасия подняла голову. Павел не ответил сразу. Роман держался за дверной косяк и смотрел куда-то между ними, словно вопрос не относился ни к кому из присутствующих.

— Смотря что за бумага, — сказал Павел.

Роман пожал плечом.

— Да так. Вообще.

— Вообще — плохой способ подписывать.

Роман кивнул.

— Понял.

Он уже хотел уйти, но Анастасия сказала:

— Роман.

Тот остановился.

— С вами кто-то разговаривал?

Роман быстро взглянул на нее и отвел глаза.

— В каком смысле?

— В обычном. Про стену. Про ключ. Про то, что вы видели.

Роман помолчал.

— Да нет. Так. Подходили.

Павел спросил:

— В пальто?

Роман усмехнулся без радости.

— У вас тут, смотрю, все люди либо в пальто, либо с документами.

— Иногда это одно и то же.

Роман провел ладонью по затылку.

— Он сказал, что это просто техническое пояснение. За консультацию заплатят. Нормально заплатят. Мне, честно говоря, сейчас не лишнее.

Павел дождался, пока он продолжит. Но Роман сначала обернулся в коридор. Рабочие спорили о проводке; кот сидел возле открытого ящика и следил за концом провода, который шевелился у него перед носом.

— Вы тогда сказали никому про ключ не рассказывать, — произнес Роман. — И стену не трогать.

— Сказал.

— Я и не рассказывал.

— Но вам предложили.

— Не совсем.

— А как?

Роман достал из кармана сложенный лист.

— Сказали: раз я прораб и сам это видел, могу просто дать пояснение. Техническое. Нейтральное. Ничего такого.

Он протянул лист Анастасии. Та прочла первые строки и опустила папку на стол, освобождая вторую руку.

— Это писали не вы, — сказала она.

— Нет.

— И не строитель.

— Почему?

— Потому что строитель написал бы: «при снятии штукатурки обнаружена старая кладка». А здесь написано: «выявлены признаки ранее скрытого прохода, доступ к которому был ограничен собственником».

Роман нахмурился.

— А разве это не одно и то же?

— Нет, — сказал Павел.

Роман посмотрел на него.

— Почему?

Павел подошел ближе.

— Потому что первое — то, что вы видели. Второе — то, что кто-то хочет доказать.

Роман взял лист обратно.

— Там еще про техническое назначение.

— Вы устанавливали техническое назначение? — спросила Анастасия.

— Нет. Я стену не вскрывал.

— Значит, это не ваше.

— Но ключ-то был.

— Ключ был, — сказал Павел. — Старая кладка была. След коробки был. Все остальное — чужие слова.

Роман молчал, разглаживая большим пальцем сгиб бумаги.

— То есть не подписывать? — спросил он.

Павел не ответил сразу. За спиной Романа снова застучали. Проще всего было сказать: «Не подписывайте». Анастасия ждала рядом; он посмотрел на лист в руках прораба.

— Решать вам, — сказал Павел. — Но если подпишете, пишите только то, что видели сами.

— А если там все почти правильно?

— «Почти» в таких бумагах обычно дороже прямой лжи.

Роман нахмурился.

— Дороже кому?

— Тому, кто подпишет.

Анастасия сказала мягче:

— Слова «скрытый проход», «намеренное сокрытие», «техническое назначение» — это не наблюдения. Это выводы. Если вы их не делали, не берите их на себя.

Роман посмотрел на лист.

— А если они скажут, что так не нужно?

Павел ответил:

— Тогда им нужно не ваше пояснение.

— А что?

— Ваша подпись.

Роман долго смотрел на лист. Потом сложил его.

— Понял.

— Нет, — сказала Анастасия. — Не «понял». Проверьте. Сами. Перепишите своими словами. Без выводов. Без чужих терминов. И только после этого решайте.

Роман усмехнулся.

— Вы так предупреждаете?

Павел посмотрел на него.

— Нет.

— А что?

— Провожу границу.

Роман кивнул.

— У вас тут все границы.

— Да, — сказала Анастасия. — В старых домах без них быстро начинают ломать несущие стены.

Роман коротко усмехнулся.

— А если я вообще ничего не подпишу?

Павел пожал плечом.

— Значит, не подпишете.

— А если подпишу свое?

— Значит, подпишете свое.

— Вы не скажете, как правильно?

— Нет.

Роман смотрел на него внимательно.

— Почему?

Павел не сразу ответил.

— Потому что тогда это будет уже не ваше решение.

Роман молчал. Потом спрятал лист в карман.

— Ладно. Я подумаю.

— Это редкое умение, — сказал Павел.

— У строителей?

— У людей.

Роман ушел. Анастасия смотрела на Павла.

— Ты сейчас хотел сказать ему больше.

— Хотел.

— Сказать, что его посадят?

— Да.

— Но мы этого не знаем. Такое предупреждение было бы запугиванием.

— Знаю.

— Поэтому промолчал?

Он посмотрел на нее.

— Поэтому ты здесь.

Анастасия приоткрыла рот, но промолчала. Павел взял со стола карандаш, переложил к папке и только тогда посмотрел на нее снова.

Вечером Роман задержался после ухода бригады. Он разговаривал по телефону у входа. Павел вынул часы из кармана и положил на стол, рядом с папкой. Из коридора долетели обрывки разговора.

— Нет, я понимаю.

Роман выслушал ответ.

— Просто я так не видел.

Голос в трубке на мгновение стал громче.

— Нет, деньги я понял.

Потом Роман надолго замолчал.

— Я могу написать по факту.

Павел отошел от дверей кабинета. Анастасия ждала у стола.

— Не подойдешь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он сейчас выбирает.

Она кивнула.

— И тебе тяжело не вмешаться.

— Да.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что тяжело.

— Странная поддержка.

— Зато честная.

Через несколько минут Роман закончил разговор и вошел в кабинет. В руках он держал другой лист — исписанный от руки, с зачеркиваниями и тесной припиской на полях.

— Можно? — спросил он.

Павел кивнул. Роман положил лист на стол. Анастасия прочитала вслух:

— «При снятии штукатурки между помещениями обнаружена кладка, отличающаяся от основной стены. Из слоя штукатурки выпал металлический ключ. Стена не вскрывалась. Назначение ключа мне неизвестно. Наличие прохода, помещения технического назначения или ограниченного доступа мной не устанавливалось».

Она подняла глаза.

— Хорошо.

— Нормально?

— Хорошо, — повторила она.

Роман посмотрел на Павла.

— Они сказали, что за такое не заплатят.

— Возможно.

— Сказали, что это никому не нужно.

— Значит, вы сделали полезную вещь.

Роман усмехнулся.

— У вас странные критерии полезности.

— Есть такое.

Роман забрал лист.

— Я все равно отправлю.

— Кому?

— Тому человеку. И себе оставлю копию.

— Решили?

— Да.

Павел кивнул.

— Тогда это ваше.

Роман пошел к двери. Остановился.

— Павел.
— Да?
— Спасибо.
— Не за что.
— Есть за что. Но я понял. Вам удобнее так.
Павел ничего не ответил. Роман ушел.
На столе тонко звякнули часы, которые Павел оставил рядом с папками. Он открыл крышку. Минутная стрелка дошла до следующего деления и остановилась.
Из комнаты карты донесся шелест. Павел поднялся; Анастасия пошла следом. В дверях он посторонился, пропуская ее, и заметил, что она тоже замедлила шаг. Реестр лежал открытым. На странице появились строки:
Правило четвертое. Предупреждение.
Сторона уведомлена.
Волеизъявление сохранено.
Ниже проступила еще одна запись:
Воздействие не установлено.
Анастасия тихо выдохнула.
— Получилось.
— У Романа.
— У тебя тоже.
Павел смотрел на последнюю строку.
— Северцеву это не понравится.
— Северцеву вообще многое не нравится.
— Это другое.
— Почему?
— Он хотел, чтобы карта зафиксировала вмешательство.
Анастасия посмотрела на него.
— Ты уверен?
— Нет.
— Но думаешь?
— Да.
— Тогда похоже на провокацию.
Павел закрыл Реестр.
— Да.
— И Роман был наживкой.
— Нет.
— Нет?
Павел вспомнил, как Северцев говорил о человеке, который получит срок после одного неверного шага. Ни имя, ни документ ему тогда еще не были известны.
— Обстоятельством.
Анастасия помолчала.
— Это хуже.
— Да.
В коридоре было тихо. Дверь правой комнаты оставалась открытой; на спинке стула висел пиджак Анастасии, на столе лежал блокнот. Павел хотел спросить, останется ли она, но спросил только, будет ли чай. Анастасия кивнула. Он пошел ставить чайник.

На следующий день Северцев встретился с тем же мужчиной в кафе при гостинице. Утренние постояльцы разошлись. Официантка убирала дальний столик; на белой скатерти у

окна остывал нетронутый чай. Мужчина сидел перед ним, сложив руки. Северцев заказал кофе и отодвинул стул.

— Не сработало, — сказал мужчина.

Северцев снял пальто.

— Роман отказался подписывать чужой текст. Это не значит, что не сработало.

— Значит.

— Почему?

— Потому что он избежал опасности. А Рейнер не вмешался.

— Он предупредил.

— Он не выбрал за него.

— Тонкая разница.

— Для карты — достаточная.

Северцев поднял глаза.

— Откуда вы знаете, что для карты достаточно?

Мужчина посмотрел на него спокойно.

— Карта не признала вмешательство.

— Вы видите карту?

— Нет.

— Тогда откуда знаете, что она зафиксировала?

— Я не вижу карту, Марк Андреевич.

— Тогда что вы видите?

Мужчина поднял чашку, но пить не стал.

— Последствия.

Северцев ждал продолжения.

— И их отсутствие.

Северцев откинулся на спинку стула.

— Вы раньше об этом не говорили.

— Раньше вы не спрашивали правильно.

— И что вы увидели?

— Роман не стал крайним. Документ не получил нужной силы. Все, что мы пока видим, — Рейнер не оставил нам следа вмешательства.

— То есть он выиграл.

— Нет.

— Нет?

— Он выдержал правило. Это не победа. Это хуже.

Северцев усмехнулся.

— Для кого?

— Для нас.

Официантка принесла кофе. Северцев дождался, пока она уйдет.

— Он учится.

— Нет, — сказал мужчина. — Он сопротивляется.

— Это одно и то же.

— Нет. Тех, кто учится, можно вести. Тех, кто сопротивляется правильно, приходится ломать обстоятельствами.

Северцев посмотрел в окно. По стеклу ползли капли; между ними расплывались огни вывески на противоположной стороне улицы. Он подвинул к себе чашку.

— Роман был слишком мелкой ставкой, — сказал он.

— Нет. Роман был точной ставкой. Просто Рейнер нашел правильное предупреждение.

— Значит?

Мужчина поставил чашку на блюдце.

— Значит, придется дать ему опасность, где правильного предупреждения будет недостаточно.

Северцев молчал. Потом тихо спросил:

— Анастасия?

Мужчина не ответил. Северцев убрал руку от чашки.

— Рано, — повторил он наконец.

Северцев посмотрел на него.

— Вы уже говорили это.

— Значит, пока помню.

— А когда станет не рано?

Мужчина поднялся.

— Когда Рейнер сам решит, что предупреждения мало.

Мужчина положил на стол деньги и ушел. Северцев остался у окна. К кофе он так и не притронулся.

В темном стекле за его плечом на секунду проступил круг с тремя короткими штрихами. Северцев обернулся. Позади были пустой стол и стойка. Когда он снова посмотрел в окно, на стекле остались только капли. Он задержался еще немного, разглядывая свое отражение.

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.